ДИНАСТИЯ РУССКИХ КРАСАВИЦ

Преступное венчание

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

Династия русских красавиц

Елена Арсеньева

Преступное венчание

«Эксмо»
2018

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

Арсеньева Е. А.

Преступное венчание / Е. А. Арсеньева — «Эксмо», 2018 — (Династия русских красавиц)

ISBN 978-5-04-098029-1

Сиротки Лиза и Лисонька, воспитанные теткой, с детства делили на двоих радости и печали. А потому, когда Лисоньку посватали за постылого ей князя Алексея Измайлова, Лиза, напротив, в него влюбленная, отправилась на тайное венчание вместо сестры. Однако в тот злополучный вечер молодым открылась тайна: невеста – единокровная сестра Алексея. Только вот князь так и не узнал, что под фатой пряталась другая… Лиза, спасаясь от родового проклятия, решила бежать подальше от дома. И окунулась в жизнь, полную опасностей и приключений. Доведется ли Лизе, попавшей в гарем крымского хана, вновь увидеть родную землю и того, с кем она когдато венчалась?..Книга также выходила под названием «Тайное венчание».

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-04-098029-1

© Арсеньева Е. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая 6
Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 16
Глава 4 18
Глава 5 23
Глава 6 28
Глава 7 32
Глава 8 36
Глава 9 45
Глава 10 52
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Елена Арсеньева
Преступное венчание

© Арсеньева Е., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Часть первая
Княжеские дети

Глава 1
Венчание

– Венчается раб Божий Алексей рабе Божией Елизавете во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа…

Голос священника чуть слышен, а лица вовсе не видать. Колышется неясная тень, торопливо творя обряд.

Тьма сгустилась в углах храма, куда Алексей старается не глядеть, чтобы не встретить укоряющие взоры угодников. Слабые отсветы трепещут на пронзенных ладонях Спасителя; руки Христовы, прибитые к кресту, чудится, дрожат от боли, и князь холодеет от затылка до пят.

– Венчается раба Божия Елизавета рабу Божию Алексею во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа…

Батюшка прибавил голосу, и бас его слился с грозным гулом ветра. Алексей вспомнил: когда они с Николкой Бутурлиным торопливо пробирались по залитой жидкой грязью Ильинке, церковные колокола единогласно возвещали окончание вечерни. Звонили у Михаила Архангела в кремле – тяжело, грузно, у Петра и Павла под откосом – надрывно, у Николы на Торгу – всполошенно, у Жен-Мироносиц над Почаинским оврагом – заливисто; доносился перебор с колокольни Строгановского величаво-нарядного храма – на все голоса. Слышалось Алексею, будто кто-то приказывал: «Стой! Стой! Стой!» И если б не вышагивал рядом возбужденный, задыхающийся Николка, может, и приостановился бы Алексей, может, одумался, не явился в молчаливую, словно тайная западня, церковь на Ильиной горе, где ждала его невеста…

Впрочем, увидевши в темном уголке согбенную фигуру в черном салопчике, Алексей приободрился, встрепенулся, позабыл свое смутное беспокойство, даже сунулся поцеловать, но не тут-то было: девушка, словно стыдясь чужих, отшатнулась, отвернула укрытое флером[1] лицо.

– Виновен, запоздал! – покаянно зашептал Алексей. И это было все, что он успел молвить, ибо Николка нетерпеливо звякнул шпорой, а батюшка, прогудев: «Чада, не мешкайте!» – грузно двинулся к аналою. Николка повел невесту, жених пошел следом, и тайный обряд, развязка скороспелого Алексеева романа, начался.

– Да оставит человек отца своего и матерь, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину. Тайна сия велика есть…

Алексей ощутил, что рука Лисоньки совсем застыла. Он стиснул ледяные пальцы так, что девичий перстенек впился в кожу, но князь крепче и крепче сжимал безвольную руку, словно пытаясь найти в ней опору и развеять свои внезапные сомнения.

Да что это вдруг содеялось! Что с ним? Где былая страсть, где щемящая нежность? Ведь лишь вчера слова его медоточивые рекой лились, а ныне горло иссохло от невысказанных смутных предчувствий. Отчего ж тайна, и тьма, и близость счастья не радуют, не задорят, а лишь пугают, щемят сердце?

---

[1] Шелковая, очень тонкая, прозрачная ткань.

За стенами взвился из-под обрыва клуб ветра и, объяв махонькую церковку, сотряс ее до основания. Погода поднялась жестокая, немилостивая, и Алексей, вспомнив, как безоблачно сей день начинался, снова ощутил неладное и слегка колыхнул свечкой, попытавшись сотворить крестное знамение.

Ишь, спохватился! А разве не знал, что тайное венчание – это грех?! Где ж вы прежде были, разум-друг и совесть-матушка? Отчего раньше не осенили молодую, удалую, излишне пылкую головушку? Поздно! Уже чуть-чуть приподняла невеста фату, открыв поцелую жениха дрожащие, холодные губы, уже произнесены последние, роковые слова, надеты венчальные кольца, и вот об руку с женой князь Алексей идет, не чуя ног, к дверям, за которыми ночь и тишина, а внизу, под крутояром, колышется лодка, и…

Вдруг кто-то с такою яростью заколотил снаружи в двери церкви, что зажатые засовом створки заходили ходуном.

– Господи Иисусе! – выдохнул, крестясь, батюшка. – Ктой-то? Стража? Вовлекли вы меня, злобесники!..

– А, черт! – заскрежетал зубами Николка, выхватывая шпагу и загораживая собою молодых. – Измена?

– Отворите-е! – глухо, отчаянно раздалось за дверью, и она снова затряслась под градом ударов. – Отворите же, ради Господа Бога!

Алексей не поверил ушам. Этот ужасный голос… чудится, что ли? Да ведь то Неонилы Федоровны голос. Тетушки Лисонькиной!

Зачем она здесь? Сговорено же все, обдумано! Она как бы не знает, не ведает ничего о бегстве племянницы, ну а через недельку-другую Алексей с Лисонькой напишут ей уже из Москвы, а потом и в ножки кинутся, выпрашивая прощения и благословения…

Сговорено-то сговорено, однако в голосе, который рвется из-за двери, такое неистовство, словно не ею же придуманное венчание вершится здесь, а самое малое – тайное душегубство!

– Погоди, Николка, – тихо сказал Алексей. – Спрячь-ка шпагу. Там тетушка. Надо отворить.

Он шагнул было к выходу, как вдруг Лисонька стиснула его локоть и прошелестела:

– Нет, не надо! Не надо!

– Полно, милая, – молвил Алексей, и прежняя нежность прихлынула к его сердцу. – Теперь бояться нечего. Я с тобою!

Николка поднял скрипучий засов. Дверь распахнулась. Резкий запах осенней свежести и сырости наполнил сладко благоухающий храм, и вместе с порывом ветра в полутьму ворвалась высокая фигура тетки Лисоньки – ростовщицы Елагиной. Алексей различил растрепанные седые волосы, искаженные черты, торжествующую, злобную усмешку, и вдруг понял: вот сейчас некая откроется истина. И она будет ужасна.

– Знаешь ли, кто муж твой? – проговорила Неонила, высокомерно глядя на замершую девушку. – Знаешь ли, с кем повенчана богопротивно и мерзко? – Помолчала, словно наслаждаясь созерцанием четырех застывших фигур, испуганных лиц, и выплюнула: – Венчалась ты с братом единокровным!

Словно молнией пораженные, замерли и молодые, и дружка, и поп. Неонила Федоровна приблизилась к Алексею:

– Тебе, князенька, поди, невдомек, что Марья-то Павловна, покойница, вовсе не маменька твоя. Небось не помнишь, что в хоромы барские ты взят был из холопской избы. И родила тебя та самая Пелагея, кою кормилицею и нянькою твоею называли. Ты, князюшка, выблядок, байстрюк, незаконнорожденный, а крови твои дворянские мутной водицею разбавлены!

Замолчала, с глумливою улыбкою глядя на Алексея, который был бы поражен, наверное, менее, если бы Неонила Федоровна сообщила, что он – делатель воровских денег или атаман понизовской вольницы[2]. Только и смог, что пролепетать, хватаясь за последнюю соломинку:

– Но у меня нет сестры…

– Есть, князенька! – злорадно осклабилась в полутьме Неонила Федоровна, напоминавшая Медузу-Горгону с этими полуседыми прядями, вздыбленными сквозняком. – Есть! Тебя-то со скотницей Палашкой почему в покои взяли? Потому что цыгане твою сестру-младенца со двора снесли. Нянька проспала, цыгане подкрались – вот и сгинуло дитя. Словно сквозь землю провалилось. Никто ее в живых не чаял больше видеть, заупокойные службы служили по рабе Божией Елизавете!

Что-то такое слышал Алексей… какие-то слухи о батюшкиной болезни, о тайной, смертельной тоске, которая и свела в могилу княгиню Марью Павловну…

– Дитя не нашли, – вновь раздался голос Неонилы Федоровны. – Да и как же найти было? Искали-то в лесу, у цыган, а девочка была у меня! Батюшке-князюшке небось и в голову не взошло. Где ему! Его память на баб короткая. Много таких, как я, было у него, множество! Пелагеюшка – дура из их числа. Но они все забыли да простили, а я – нет. Я – нет!..

– Наговор это! Ложь гнусная, небывалая! Не слушай, Алешка! Коли так, пускай она докажет! – возбужденно выкрикнул верный Николка.

Неонила Федоровна так резко оборвала хохот, словно его обрубили.

– Нишкни! – отмахнулась она от Николки троеперстием. – Изыди! И тебе ведь от суда не уйти, коль не смолкнешь. Ты, гвардейский офицер, соучастник кровосмесительного венчания! А что про доказательства… пускай князь молодую в дом отцов приведет, да отворит покои княгинины, что с самой ее смерти стоят заперты, да рядом с парсуной[3] Марьи Павловны свою жену поставит. Одно лицо, вылитая! Жена твоя, Алексей Михайлович, чистых кровей: по матери Стрешнева, по отцу Измайлова. Повезло тебе, как видишь: ты, выблядок, дворянку столбовую взял! Радехонек будет Михайла Иванович сношеньке, возликует, что дочушку нашел родимую!

Алексей оцепенело молчал. Ни мыслей, ни чувств. Холод во всем теле – и ничего более.

Внезапно та, с которой он только что обвенчался, бросилась вперед, обогнув Алексея и Николку.

– Тетенька! За что?!.. – возопила она и, заломив руки, пала на колени перед черной пугающей фигурой.

Неонила Федоровна вздрогнула так, что ее даже шатнуло в сторону, потом быстро нагнулась и дрожащей рукой потянула с лица девушки фату. Глаза ее расширились, рот задрожал… она резко выпрямилась, постояла какое-то мгновение – и тяжело рухнула навзничь.

Алексей, священник, Николка, разом выйдя из столбняка, бросились к ней, приподняли. Пламя свечи отразилось в неподвижных, широко раскрытых глазах.

Неонила Федоровна была мертва.

* * *

Даже и потом, после, уже поуспокоившись, не мог порядочно вспомнить Алексей все бывшее с ними в ту ночь. Смутно, будто сквозь туман, видел, как Николка выхватил из кармана горсть монет и сунул их в ладонь попа, к горлу которого было приткнуто острие шпаги.

– Пикнешь кому, – прошипел Николка, – тогда ищи, кто тебя отпевать станет. Понял, батюшко?

Тот лишь заводил глаза, постанывая.

---

[2] Воровские деньги – фальшивые; понизовская вольница – волжские разбойники. *Здесь и далее прим. автора.*

[3] Портретом *(устар.)*.

– Скажешь: на молитве, мол, женщине дурно сделалось, – наставлял Николка. – Упала – и дух вон. Ты и знать не знаешь, ведать не ведаешь, кто такая да почему. Понял ли?

– По-нял… ей-богу… – наконец прохрипел поп, и Николка, еще разок, для острастки, тряхнув его, схватил за руки молодых и вытащил их из церкви.

Тьма на крутояре стояла непроглядная. Лишь когда ветер разрывал облака в клочья и меж ними проглядывал мутный зрак луны, можно было различать дорогу.

Ноги у Алексея подгибались, он еле шел, предоставив Николке самому вести… О, господи! Невесту Алексееву? Жену? Сестру? Как теперь называть ее?! Осознание, что злее его судьбы нет и не будет на свете, что так и суждено ему теперь в тоске и страхе жизнь проводить, подкашивало ноги. Вдруг привиделось лицо отца, искаженное гневом при встрече с сыном, который вел жизнь беспутную, праздную и наказан заслуженно…

Алексей и не заметил, когда и как миновали Нижний посад с его такими шумными днем торговыми рядами. Сейчас здесь царила тьма, но все же гудел приречный кабак, притулившийся, будто бесово семя, меж двумя благочестивыми церквами: Троицкой и Рождественской.

– Сейчас, – проговорил Николка. – Ужо, погодите-ка!

Он отпустил руку Лисоньки и побежал к кабаку, испустив три резких коротких свиста. Девушка пошатнулась, видимо, не в силах стоять самостоятельно, и, чтобы не упасть, привалилась к Алексею. Тот невольно прижал ее к себе, и она, будто только того и ждала, зашлась в слезах.

Алексей глянул ввысь. Тучи неслись, то открывая небо, то вновь затягивая его непроницаемой черной завесой. Не было дела им, быстро бегущим, до двух несчастных, что стояли на берегу разбушевавшейся Оки.

Прибежал запыхавшийся Николка, волоча за собой мужичонку в треухе и хилом армячке. С этим мужичком, понял Алексей, и было сговорено еще вчера о перевозе в заречное Канавино, откуда уже лежал дальний, объездной путь на Москву, к отцу…

К отцу!

– Прости, барин! – с трудом выговорил мужичок, и только тут заметил Алексей, что он едва держится на ногах с перепою. – Что попритчилось-то? Вышел еще засветло к берегу, а лодчонки нет как нет. Лихие люди кругом, разве уследишь? Пустили меня, бедного, по миру. Да и погода, батюшка, погодка суровая. Как пить дать, затопит. Лучше бы завтра вам отправиться, а к завтрему я лодку для вас сыщу.

– Будь по-твоему, лапотина черная! – Николка переводил взор с бушующей реки на трясущегося не то от холода, не то со страху мужичка. – Иди уж, допивай свое. Мы переночуем на этом берегу, а утром переправимся.

– В своем ли ты уме?! – вскинулся Алексей, но Николка, сверкнув на него глазами, подтолкнул пьянчужку к кабаку. Подождал, пока за ним захлопнулась дверь, произнес с укоризной:

– Ты что? Да он же выдаст нас, если… сам понимаешь! Надо след замести. Конечно, сейчас же и отправимся, но не в Канавино. Коли поп проговорится, нас поутру первым делом искать будут там или на тракте московском. Слушай-ка, у Стрелки[4] расшива[5] на якоре стоит: чем свет в Казань пойдет. Я третьего дня невзначай разговор на Торгу слыхал. Доберемся, попросимся… а уж из Казани вернемся, как ни в чем не бывало: ты – в Белокаменную, я – в полк. Так оно верней будет.

---

[4] Место слияния Оки и Волги напротив Нижнего Новгорода.

[5] Парусное судно, легкое в ходу, требовавшее немного рабочей силы, отличалось большой скоростью и грузоподъемностью до 25 тысяч пудов.

– Хорошо. – Алексей благословил Бога за эту верную, непоколебимую дружбу, последнее свое утешение и надежду в горестях и напастях нынешнего дня. – Делай как знаешь. Только на чем плыть-то? Лодку ведь увели?

– Тьфу! Прости господи! – осерчал Николка. – Ты что, белены объелся? Или умом повредился? Да перевозчик, подлая душонка, врал, цену набивал! Я знаю, где он лодчонку держит. Вон там, у самой воды, под сараем.

Лодка была на месте, но до чего же оказалась эта посудина жалкой! Когда Алексей с Лисонькой разместились, а потом, резко оттолкнув лодку от берега, через борт перевалился и Николка, она просела, зачерпнув воды.

– Табань, табань правым! – испуганно вскрикнул Николка, ловко уворачиваясь от волны, едва не затопившей суденышко возле самого берега.

Гребцы с трудом справлялись с веслами, но воды прибывало.

Николка пошарил под банкой, вытащил деревянный ковшик, сунул его Лисоньке. Поняв без слов, она нагнулась и послушно зацарапала по дну, да неловко, слепо: мокрый флер липнул к лицу.

– Полно, княжна! Не до церемоний, право! Сбросьте эту тряпку, вычерпывайте проворнее, не то мы через две сажени ко дну пойдем!

«Княжна! – так и пригвоздило Алексея. – Княжна… Господи! Помоги! Помоги мне, ей! Сотвори чудо, Господи, и, клянусь, я… я…»

Он невольно всхлипнул и впервые порадовался разыгравшейся стихии, скрывавшей следы его малодушия.

Между тем Николка налегал на свое весло. Чтобы лодка ровно держалась против волны, Алексей тоже вынужден был грести изо всех сил.

Они потеряли счет времени, были мокры насквозь, жестоко иссечены ветром, когда сквозь тьму забрезжил слабый огонек на борту расшивы, то взлетающей вверх, то резко падающей вниз.

– Эй! – яростно табаня, завопил Николка и закашлялся, захлебнувшись ветром. – Э-гей!

– Эй, на расшиве! – закричал и Алексей, приподнявшись, но едва не свалился в воду, вцепился в борт.

Все свистело, гудело вокруг, новая волна нахлынула… Вдруг раздался тяжелый удар, лодка с размаху врезалась в борт, затрещала, словно расколовшаяся яичная скорлупка, и мгновенно пошла ко дну вместе со своими седоками.

Алексей вырвался из-под толщи воды, отмахнул с лица мокрые пряди. Лихорадочно сорвал тяжелый, пропитавшийся водой кафтан, а потом, зажмурясь, нырнул и начал стаскивать тянущие ко дну, будто камни, сапоги. Наконец выметнулся на поверхность, задыхаясь, хватая ртом ледяной, жгучий воздух, с хрипом перевел дух и прямо перед собой увидел белое лицо Николки с черными провалами вместо глаз.

Алексей огляделся, ловя короткий проблеск луны. Оказывается, их уже снесло по течению, расшива таяла в ночи, но справа на берегу смутно виднелись очертания кремлевской стены – значит, они смогут туда доплыть. Тотчас луна вновь ушла за тучу, и Алексей вдруг сообразил, что видел рядом только Николку, а больше никого нет. Река была пуста…

«Господи! Господи, что же это?!»

Когда Алексей всем сердцем молил Бога сотворить чудо и спасти его от позора, едва ли он сам осознавал, о чем, собственно, просит. Но теперь, теперь… теперь, когда хмельная от шторма Волга ярилась вокруг, он, приподнявшись над волнами в последнем усилии, вдруг закричал:

– Лисонька! Ли-и-сонь-ка! – завопил истошно, отчаянно, готовый сейчас душу заложить дьяволу, только бы услышать отклик на свой зов.

Но не было ему ответа.

Волна хлестнула Алексея по лицу и разбилась на мириады брызг. Нет, это не волна, его жизнь разбилась вдребезги вместе со всеми грезами юности! И он завыл, захлебываясь, вырываясь из рук Николки, который пытался заставить его плыть к берегу.

Глава 2
Елагин дом

В середине XVIII века нижегородские обыватели хорошо знали двухэтажный дом на склоне Егорьевской горы. Называли его Елагин дом.

Некогда служил Василий Елагин при доме князя Измайлова, возвысился до личного его камердинера и, видать, настолько хозяину потрафил, что был им отпущен на волю с содержанием, достаточным для нескудной жизни. Изрядное приданое получила также Неонила, горничная молодой княгини, которую самолично сосватал Василию князь-батюшка. Присоединив к подаркам то, что удалось выручить с помощью собственной удачливости и оборотливости, давая деньги в рост, Василий Елагин жил безбедно, хоть и воспитывали супруги дальних родственниц Неонилы Федоровны – двух сироток. Ту и другую крестили Елизаветой, ну кликали их Лисонькой и Лизонькой.

Приемыши звали опекунов тетей и дядей, однако соседи судачили, что такой-то заботе и родное дитя позавидовать может! Неонила попечением старой княгини Измайловой в юности получила недурное по тем временам домашнее воспитание и образование. Нрав она имела суровый, непреклонный, так что, в свою очередь, воспитанием и образованием девочек занималась со всею серьезностью, словно готовила их не для тихой провинциальной жизни и замужества в наилучшем случае за купцом средней руки или местным обывателем, а для чего-то несравнимо большего.

Девочек будили раным-рано, зимою еще затемно. Неонила Федоровна с вечера приготовляла для них длинный стол в столовой комнате, положив каждой грифельную доску и грифель. После молитвы, которую девочки читали по очереди, опасливо поглядывая на суровый лик тетушки, сестрицы садились за стол и брались за уроки, торопясь успеть до завтрака. Иначе его могло и не достаться.

В первую голову учили девочек русской грамоте. В моду безудержно входили иностранные языки, особенно – любимый государыней Елизаветой Петровной французский, и девочки уже изрядно болтали по-французски, расширяя запас слов штудированием двух книг без начала и конца, об одних обложках, – чудом сохранившихся у Неонилы Федоровны остатков многотомного романа Готье де Ла Кальпренеда «Клеопатра», с тщательно вымаранными сценами любовных объяснений.

Сестрицы несколько умели рисовать, сделали успехи в танцах – в тех, понятно, что плясывали в пору молодости их наставницы. И хотя, конечно, все это было далеко от утонченной светской дрессировки, их можно было представить в приличном обществе, не краснея за манеры и обхождение.

Обе ничего не ведали о своих родителях. Единственное, что сообщили им со временем, – они не родные сестры, а двоюродные, а отцы да матери их сгибли от морового поветрия. Тем и удовольствовались: прошлого для них не существовало. Обе жили нынешним днем, всецело подчиняясь Неониле Федоровне, которая очень умело накидывала узду на их мысли, чувства, желания и поведение.

Им ни в чем не было различия – ни в одежде, ни в еде, ни в добром или худом слове. Они носили одинаковые салопы, рубахи, сарафаны, платки. Две одинаково причесанные головки, льняная и русая, одинаково прилежно склонялись над книгою или шитьем. Они были ровесницы и крещены одноименно. Но прошло совсем немного лет, и стало ясно, что нет в свете двух менее схожих существ, чем эти сестрицы: Лисонька и Лизонька.

Лисонька заневестилась рано. Ей не было еще и тринадцати, когда ее большие глаза, темно-карие, зеркальные, обрели то умильно-застенчивое выражение, которое заставляло мужчин невольно оглядываться на нее. Одетая по-русски, как и полагалось девушке из небогатой обывательской семьи, она держалась с ужимками настоящей барышни.

Высокая ростом, как и ее сестрица, Лизонька была поплотнее, покрепче, но лицом – что ребенок: крутолобая, курносенькая простушка! Хороша у нее была только коса: длинная – до подколенок, толстая – едва обхватишь, шелковистая – не чета сестриной! Надо лбом и на висках по-детски завивались кудряшки. Глаза были очень светлые, серые, с тем молочно-мутноватым налетом, который можно увидеть у младенцев или у людей, проснувшихся после долгого крепкого сна. Несколько неловкая, она и впрямь казалась вечно дремлющей, что, впрочем, не мешало ей и работать споро, и в науках опережать хваткую, да забывчивую Лисоньку. Редко, очень редко, лишь под действием самых сильных потрясений, слетала с нее внешняя сонливость. Всего один такой случай могла бы привести Неонила Федоровна, но уж он-то надолго запомнился ей!

Было девушкам тогда лет по шестнадцати.

Настал день первого мая. С самого утра по улицам начали ездить рейтары с трубами и во всеуслышание объявляли, что по окончании обедни имеет быть военный парад, а затем увеселения с музыкой и потешными огнями в честь годовщины основания Вознесенско-Печерского монастыря.

Вся Благовещенская площадь была уставлена каруселями и балаганами, помостами для музыкантов. Говорили, что нижегородская военная команда должна показать примерное сражение. А пушкарский мастер якобы приготовил фейерверк с бенгальским огнем, который и собирался запалить на Поганом пруду.

А невдалеке, на Откосе, в закоулочках, вершилась иная потеха. Здесь появился сергач![6] Поводырь медведя был примечателен. Цыган высоченный, косая сажень в плечах, курчавый с проседью, бородатый да горбоносый – красавец собою, да беда: с одним глазом – карим, горящим, выпуклым. Второй глаз его был прикрыт сморщенным, стянутым веком со шрамом. Этот невольный прищур придавал красивому лицу цыгана выражение злобного лукавства. Впрочем, на то мало обращали внимания, наверное, потому, что не лукавого цыгана еще никому видеть не приходилось. Да и медведь у него был хорош: громадный, с лоснящейся от сытости шерстью, со светлыми пятнами на загривке, изобличавшими матерый возраст.

– Ну-ка, Михайла Иваныч, поворачивайся! – басил цыган, и никто не замечал сию обмолвку, что медведя не Михайлом Потапычем, как испокон веков на Руси ведется, а Михайлой Иванычем он кликал.

– Ну, ну, морэ![7] Привстань, приподнимись, на цыпочках пройдись, поразломай-ка свои кости! Вишь, народ собрался на тебя подивиться да твоим заморским штукам поучиться! – балагурил цыган.

Левой рукой он держал цепь, привязанную к широкому ременному поясу, а правой – увесистую орясину, на которую медведь изредка неприязненно косился. Повинуясь руке хозяина, который дергал и немилосердно раскачивал цепь, зверь сперва с необычайным ревом поднялся на дыбы, а затем начал истово кланяться на все четыре стороны, опускаясь на передние лапы.

– А покажи-ка ты нам, Михайла Иваныч, как молодицы, красные девицы в гости собираются, студеной водою умываются!

Медведь принялся что было мочи тереть лапами морду.

---

[6] Дрессировщик и поводырь обученного разным штукам медведя, по названию нижегородского города Сергач, в котором зародилось это ремесло.

[7] Друг *(цыганск.)*.

– А вот одна дева в зеркальце поглядела, да и обомлела: нос крючком, голова тычком, а на рябом рыле черти горох молотили! Ну, раздоказывай, Михайла Иваныч! – прокричал цыган.

В ответ медведь приставил к носу лапу, заменившую на сей случай зеркало, и страшно перекосил свои маленькие глазки, выворотив белки.

Это было до того уморительно, что зеваки зашлись от смеха, сгибаясь пополам и утирая слезы, не в силах уже ни рукоплескать, ни кричать, только заходились в хохоте.

Даже Неонила Федоровна, бывшая в числе зрителей цыганской потехи, искривила в улыбке тонкие губы. А сестрицы, позабыв об ужимках благовоспитанных барышень, заливались от всей души.

– Ой, бэнг![8] Ой, уважил, батюшка-князь Михайла Иваныч! Ой, распотешил, твое сиятельство! – выхвалял цыган, тряся цепью и яростно сверкая единственным оком.

Всякий норовил поближе глянуть на высокочтимого медведя. И колобродившая толпа ненароком вынесла Неонилу Федоровну с девочками вплотную к цыгану. Она глянула на сергача пристальней и вдруг ахнула так, что девицы враз оборвали смех и подхватили обмершую тетеньку под руки, не то рухнула бы наземь.

Цыган бросил безразличный взгляд на высокую женщину в черном платке и черной епанчишке[9], и внезапно лицо его полыхнуло румянцем.

– Дэвлалэ![10] – прошептал он и замер.

Цепи поникли. Мишка, почуяв слабину, сел на землю, всем своим видом являя робкое удовольствие от передышки.

В эти минуты на Поганом пруду зашумел, заиграл фейерверк, и переменчивый нрав толпы увлек ее к более шумному и редкостному зрелищу, так что через миг на улочке остались только медведь, цыган да остолбеневшая Неонила Федоровна с вцепившимися в ее руки сестрицами.

– Ты-ы? – протянул цыган, не сводя своего единственного глаза с Елагиной, и недоверчивая улыбка чуть тронула его губы. – Неужели ты?! Вот где схоронилась! Я искал… почитай, пятнадцать лет искал!

И тут он словно бы впервые заметил двух девочек, приникших к Неониле Федоровне.

– Твои, что ль, Неонила? – тихо спросил он. И, не дождавшись ответа, рыкнул: – Твои, говорю?! – так что несчастный медведь влип в землю, будто ожидая удара, а Неонила Федоровна, шатнувшись, вымолвила покорно:

– Мои…

– Ну-ну! – протянул цыган. – Вон что! И которая же из них… *твоя*? – Он особенным образом выделил последнее слово, и взгляд его словно бы насквозь прожег Неонилу Федоровну.

Она пронзительно вскрикнула и закрыла лицо руками. А цыган разразился длинной речью на своем языке, в которой особенно часто повторялось слово «ангрусти»[11]. Наконец взор цыгана остановился на беленьком личике Лисоньки и зажегся радостью.

– Эта? – резко спросил он, хватая ее за руку и дергая к себе. – Эта? Она? Ну, бэнг…

Лисонька обморочно пискнула, однако цыган, заломив ее руку, подтащил вплотную к себе, рывком цепи заставив медведя подняться с земли и вздыбиться над встрепенувшейся Неонилой Федоровной.

– Нет, Вайда, нет! – выкрикнула та отчаянно, но тут произошло нечто неожиданное.

---

[8] Черт *(цыганск.)*.

[9] Епанча – широкий безрукавый плащ, бурка. Женская епанча – короткая сборчатая безрукавая шубейка, накидочка.

[10] Боже мой! *(цыганск.)*

[11] Кольцо *(цыганск.)*.

Лизонька, которая поддерживала Неонилу Федоровну, сорвала с головы свой простенький платочек в белых мелких горошинах и со всего маху хлестанула им медведя по морде. Да еще раз, да еще, причем с такой яростью, с таким пронзительным визгом, что зверь, неловко загораживаясь лапами, повернулся и облапил своего хозяина: видимо, ища у него защиты, но, не соразмерив сил, свалил цыгана наземь, сам навалившись сверху.

Тогда Лизонька дернула к себе сестру, подтолкнула Неонилу Федоровну, и все трое бросились что было прыти к Егорьевской горе. На счастье, дом был совсем рядом.

Цыган-сергач исчез и более не появлялся. Может, медведь его придавил!

Более ни о нем, ни вообще о том случае не говорили. Только Неонила Федоровна нет-нет, да и вспоминала украдкой случившееся и тогда долго отвешивала земные поклоны под иконами, молясь, чтобы опять все забыть: и зловещего сергача, и вздыбившегося медведя, и писк Лисоньки, а пуще всего сверкающие глаза Лизоньки, ее стиснутый рот, бесстрашно занесенную руку – весь ее облик, внезапно утративший прежнюю неуклюжесть, исполненный ярости и торжества… пугающий!

Глава 3
Вдовья жизнь

Шли годы. Один из них выдался недобрым: Василий Елагин поехал в Москву по делам, однако в дороге простудился и умер, так и не доехав до столицы.

Хоть и держала Неонила Федоровна своего супруга при его жизни в черном теле, хоть и тщеславилась, что, мол, она сама своему дому глава, однако же после его безвременной кончины что-то словно бы надломилось в ней. Будучи и прежде-то невеселой, вовсе предалась она унынию, весь облик ее приобрел печать пугающей суровости и даже жестокости.

Куда бы сестрицы ни сунулись: в горницы, сени, даже в подклеть, – всюду их встречали ненавидящие глаза Неонилы Федоровны, ее злобное шипение и рукоприкладство. Она теперь жалела не то что атласу им на сарафаны, но и самой дешевой крашенины или китайки. Да что! Куска хлеба жалела девушкам, и частенько, поутру проснувшись, не знали сестры, удастся ли им поесть нынче хоть раз.

Но порою Неонила Федоровна девиц и вовсе не замечала, забрасывала все свои домашние дела и занятия с племянницами и принималась прилежно рыться в сундуках и кладовых, словно бы что-то разыскивая и шепча: «Да где ж оно? Где колечко?»

Девицы запирались в своей светелке и сидели там, обнявшись и дрожа. Та и другая чувствовали: Неонила Федоровна тронулась умом от нежданного бедствия, постигшего ее.

Дом хирел на глазах. Когда хозяйка по нечаянности выбила слюдяное окошко в девичьей светлице, она и пальцем не пошевельнула беду исправить: девушкам пришлось самим раздобыть высушенной кожи сома и затянуть брешь. Такое прежде видали они только лишь в самых недостаточных семействах. Теперь же привелось испытать самим, хотя в доме не переставали водиться большие, шальные деньги…

Жила Неонила Федоровна тем же промыслом, которым когда-то составил состояньице покойный Василий Елагин, – ссужала деньги под залог. Никогда не знала она недостатка в просителях. Но с той поры, как в Нижнем Новгороде расквартировался конногвардейский полк, отбою не было у Неонилы Федоровны от посетителей!

Ее предпочитали другим нижегородским заимодавцам за безотказность и неболтливость, со всеми она была одинаково услужлива, однако же отношение ее к молодому князю Алексею Измайлову было верхом предупредительности и даже раболепия.

* * *

Алексей Измайлов в военной службе состоять-то состоял, однако к названному конногвардейскому полку имел самое косвенное отношение. С ранней юности был он приписан к личной гвардии наследника: занесен в число ненаглядных его голштинцев. Императрица Елизавета Петровна распорядилась об этом, пожелав вознаградить князя Михаила Ивановича за многолетнюю верность дочери Петра, которую блюл Измайлов, даже когда она была всего лишь гонимой царевной.

Однако князь не мог и помыслить отдать единственного сына в тлетворный цветник двора. Надо было измыслить предлог Алеше в «почетной» службе состоять, впрямую ее не исправляя. Пораскинув умом, Михайла Иванович нашел-таки выход. Это было Нижегородской губернии село Починки!

Еще в конце тридцатых годов, еще при Анне Иоанновне, после того как продолжительная война против Турции выказала печальное состояние русской кавалерии, здесь, в Почин-

ках, был основан один из правительственных конных заводов. Вот тут-то и решил Измайлов пристроить своего Алексея. Якобы присматривать за поставкой лучших скакунов для конницы цесаревича.

Были прикуплены земли близ Починок, построена усадьба: живи помещиком, носи свое платье, а не попугайный желтый мундирчик, – и дело делай.

Все шло ладно да складно до тех самых пор, пока не нагрянули посмотреть знаменитый завод молодые кавалеристы.

После знакомства с блестящими кавалергардами Бутурлиным, фон Таубертом, Осторожским наставления батюшкины в глазах Алексеевых подернулись уныло-серым прахом, а запретные приманки света, придворной жизни засияли алмазным блеском. Бесчисленные рассказы о балах, интригах, прекрасных и доступных женщинах, о бурных кутежах и баснословных карточных ставках помутили его разум! Отныне тихая жизнь в Починках сделалась для него невыносимо тягостной, и когда новые приятели вернулись в Нижний, Алексей последовал за ними и снял в городе жилье поблизости от казарм.

Он внезапно ощутил неодолимую страсть к воле, к самостоятельному житью. Натура его, буйная, страстная, неуемная, щедрая, развернулась во всей своей недюжинной силе: он был неутомимей прочих и во хмелю, и в игре, и в блуде. Ничто из новых впечатлений не приедалось, ничто не наскучивало; и это постоянное излучение искреннего удовольствия, окружавшее Алексея, притягивало, невольно заражало его приятелей, особенно Николку Бутурлина.

Кроме того, Алексей был человек образованный, веселого нраву, великолепный собеседник, а главное – имел деньги. Николка же умел их тратить, и очень скоро Алексей испытал еще одно новое впечатление: впал в состояние вечных долгов.

К счастью, всегда и всюду существовали благонамеренные люди, снабжавшие деньгами нуждающихся с самыми умеренными процентами. Наиболее приятной среди нижегородских ростовщиков считалась вдова Елагина.

Глава 4
Сестрицы

С того дня, как Алексей был введен к Елагиным, все здесь резко изменилось. Дом засиял чистотою. Девицам немедленно были справлены новые салопы, новые сарафаны и платки. Даже сама Неонила Федоровна приоделась и выглядела теперь добродушною купчихою, а не озлобившейся на весь мир фурией.

Когда Неонила Федоровна велела Лисоньке непременно присутствовать в горнице, если в доме появлялись Тауберт, Бутурлин, Осторожский или Измайлов, наиболее почетные гости, та сперва плакала от стыдливости и страха, однако же очень скоро поуспокоилась и даже вошла во вкус этой новой жизни.

Девушка весьма привлекала молодых повес, и не только расцветающей красотой. Было в Лисоньке что-то ласково-приветливое и милое, необычайно притягательное, ибо она не обдавала ледяным взором столичной барышни и в то же время не краснела до слез, как водится у провинциалок. Каждое движение ее было естественно, прелестно, кокетливо и, однако, сдержанно и целомудренно.

Когда Неонила Федоровна приказывала подать самовар, вкрадчивая грация Лисонькиной походки привораживала взоры. И еще она была умница: умела и взглянуть с пониманием, и улыбкою ободрить просителя, и слово молвить толково и к месту…

А в жизни Лизоньки мало что изменилось, разве только прибавилось черной работы по дому: теперь еще и за Лисоньку. Тетенька ее почти не замечала, лишь холодно, сурово велела исполнять то или другое. Вообще говоря, если Лисонька вдруг сделалась значительным лицом в доме, то Лизонька была сведена до положения прислуги, которую держали подальше от гостей. И только один раз за несколько месяцев обратилась к ней Неонила Федоровна не с распоряжением по дому.

Войдя неожиданно в кухню, где Лизонька раздувала самовар, Неонила Федоровна схватила запачканную сажей руку племянницы и сунула что-то маленькое, твердое и холодное. Сжала ей пальцы в кулак и вымолвила, пристально глядя в испуганные девичьи глаза:

– Может, и покарает меня Господь. Да что теперь! Носи. Не потеряй и сестре не показывай. Не то… – В ее взгляде блеснула угроза. И тетушка исчезла так же внезапно, как и появилась.

Лизонька разжала кулак. На ладони лежал серебряный перстенек с печаткой в виде подковки, привязанный к шелковому шнурку так, чтобы его можно было носить на шее подобно ладанке.

Лизонька так и обмерла!

Это было первое украшение в жизни, которое принадлежало только ей, а не им с сестрою вместе, как все их дешевенькие бусы и сережки. Простенький перстенек показался ей сейчас сказочным, царским сокровищем, владычицею которого она внезапно сделалась. И от неожиданности этого дара вдруг стало так страшно, что она едва не кинулась вслед за тетенькой, умоляя ее взять перстенек обратно и уж лучше отдать сестре. Но тут легкие Лисонькины шажки раздались за дверью, а свежий голосок прощебетал:

– Сестрица! Скорее самовар! Господа ожидают!

Привыкнув слепо повиноваться всем теткиным повелениям, Лизонька торопливо надела шнурок с перстеньком на шею и покрепче стянула у горла тесьму рубашки.

Однако Лисонька ничего не заметила. Привычно перехватив из рук сестры пыхтящий самовар и держа его на отлете, она прильнула на миг щекою к Лизонькиной щеке, выдохнула счастливо:

– Он здесь!

Сверкнула улыбкою и исчезла.

Лизонька подождала, пока стихнут шаги сестры, потом крадучись вышла из кухни и прильнула к щелке в дверях горницы.

Лисонька, потупив глаза, ловко разливала чай. У стола, рядом с Неонилой Федоровной, сидели двое: кавалергард и господин в штатском. Это были фон Тауберт и Алексей Измайлов.

«Он здесь!..» Да кто же он?

* * *

Для Алексея приятною неожиданностью оказалось встретить в лице ростовщицы человека, столь сильно к нему расположенного. Она почитает за честь, заявила Неонила Федоровна, быть полезной сыну своего благодетеля. Ведь они с покойным мужем обязаны его сиятельству начатками своего состояния, и теперь оно, разумеется, все к услугам Алексея. Таким образом получил он у Елагиной неограниченный кредит и самые низкие проценты. Порою благосклонность свою к Алексею Неонила Федоровна простирала и на его ближайших друзей.

Однако и Алексей, и его приятели захаживали к приветливой процентщице не только из-за почти дармовых денег. Нетрудно догадаться, что ничуть не меньшей приманкою в елагинском доме оказалась молоденькая племянница хозяйки. Тем паче что она весьма выделяла Алексея среди прочих… Но никто, конечно, знать не знал и предположить не мог, что после каждого визита Измайлова Неонила Федоровна с пристрастием выпытывала у Лисоньки о всяком взгляде, посланном ею князю и полученном в ответ, о выражении его лица, о каждом слове, которое могло ускользнуть от ее, тетушкина, внимания… Цель себе Неонила Федоровна определила весьма четко: увидеть Алексея у ног Лисоньки.

Если бы спросили у Лисоньки, она, наверное, сказала бы, что ей более по сердцу другой. Однако будущее в роли княгини Измайловой казалось Лисоньке столь же блестящим, как, например, титул королевы Британии. По сути своей она, конечно, была мотыльком, который радостно бросается на пламя, приняв его лишь за веселую игру света. Поначалу она со всею охотою следовала тетушкиным советам-приказаниям и «ловила» Алексея, как могла. Неизвестно, как бы далее все обернулось, не случись такой глупости, как пьяная драка.

Увлечение Алексея молоденькой племянницей вдовы не было секретом для его ближайших приятелей. Но если Бутурлин и Осторожский всячески одобряли молодого князя, то Эрик Тауберт однажды заявил, что дворянину зазорно морочить голову девушке, хоть бы и низшего сословия, не имея при том честных намерений, Алексей порохом вспыхнул:

– Не твое дело, Тауберт. Не тебе читать нравоучения! А вот возьму и женюсь на Лисоньке! Понял? На-ко, выкуси! – И он подсунул пудовую фигу к веснушчатому лицу Тауберта.

Николка присвистнул, Осторожский пьяно захохотал, а Тауберт вдруг вскочил из-за длинного стола (дело происходило в кабаке, причем далеко за полночь!) и бросился на Алексея.

– Что ты, черна немочь?! – сперва опешил тот, но немедленно схватил изрядного тумака.

Измайлов невольно отшатнулся к двери. Та не выдержала тяжести, распахнулась, и Алексей вывалился наружу, в туманную ночь. Тауберт пулей вылетел следом.

Бутурлин и Осторожский несколько замешкались, вразумляя кабатчика, осмелившегося запросить плату с господ офицеров, а когда вышли, довольно потирая руки, то обнаружили, что туман в эту раннюю апрельскую ночь, когда весна еще мерилась силами с уходящей зимой, стоит такой густой, что на расстоянии вытянутой руки ничего не видно.

Да, искать Измайлова и Тауберта было бы напрасно. Они в ту пору оказались уже далеко.

Выбравшись из Почаинского оврага, где стоял кабак, они вскарабкались на гору, под кремлевские стены, и в обход Пороховой, Кладовой, а затем и Димитровской башен вышли на Благовещенскую площадь.

Путь их сопровождался яростным взаимным нападением, беспрерывными ударами, падениями, стонами, потерей один другого во мгле и вновь слепою, беспощадною дракою, за которой явно стояла вовсе не мгновенная размолвка, не гневная вспышка, а давно зародившаяся и тщательно скрываемая неприязнь, не сказать – ненависть…

Это была какая-то дьявольская пляска по обрывам и косогорам, потом по площади и меж домов… И вот здесь-то, в закоулках, в нагромождении заборов, стен, тупиков, они наконец-то потеряли друг друга.

Алексей выждал, пока из глаз перестали сыпаться искры, и всмотрелся в темноту. Не скоро взгляд его нашел знакомую тропку, ведущую под откос Егорьевской горы. Вздох облегчения вырвался у Алексея. Да ведь совсем рядом Елагин дом! Заботливая преданность Неонилы Федоровны и ласковые глаза Лисоньки… И он ощутил, что его ненависть к Тауберту стихает, улегается, как волнение волжских волн, когда минует буря.

– Жаль, что ни роду ни племени, – пробормотал он и поморщился от саднящей боли в горле: Тауберт еще и придушить норовил. – А то б и впрямь женился!

Еще совсем было темно, но до третьего петушиного клика оставалось времени чуть. Звезды меркли, ощущалась близость утра. Алексей знал, что в Елагином доме встают ранехонько, и заспешил; надо было успеть привести себя в порядок и вернуться домой до свету. Даже в своем возбужденно-одурманенном состоянии Алексей понимал, что негоже тащиться ему, князю Измайлову, по нижегородским улицам в синяках, прихрамывая. Он как мог скоро дошел до знакомых ворот, нашарил сквозь прорезь калитки засов и, с усилием приподняв его, протиснулся во двор, ввалился в холодные сени и тяжело рухнул в углу, даже не найдя сил позвать на помощь.

– Кто там? – позвал мягкий девичий голос, показавшийся ему незнакомым. Кровь толчками била в уши. – Кто это?

Дверь из кухни распахнулась, на пороге встала девушка со свечой, в накинутой на плечи душегрейке. Вгляделась – и упала на колени подле Алексея:

– Господи! Вы ли, сударь?!

Кровь текла из рассеченного лба, он пытался сморгнуть, но видел только дрожание огонь-ков в глазах девушки: это пламя свечи отражалось в ее слезах.

– Батюшки! – слабо прошелестела она, отставив подсвечник, отчего лицо ее и вовсе утонуло во мраке, и, обхватив Алексея тонкими, но сильными руками, попыталась его приподнять. Коса ее, небрежно заплетенная со сна, тяжело свалилась на грудь Алексея, и этой малости достало, чтобы дыхание его пресеклось: он лишился сознания.

Впрочем, обморок был не глубок, и Алексей не переставал чувствовать руки девушки, обнимавшие его, тепло ее тела, еще не остывшего от постели, и губы, скользнувшие по его разбитым губам.

Это мимолетное, но острое блаженство вернуло ему сознание. Он открыл глаза, но девушка отшатнулась. Лицо ее скрылось в полутьме сеней. И тут же высокая черная фигура возникла на пороге. Все тело Алексея ломило, и сотрясение пола под стремительными шагами Неонилы Федоровны отдалось в нем невыносимым страданием. Он потонул в боли и едва слышал, как Елагина кричит:

– Лисонька! Подай воды! Чистых полотенец! Да где ты запропастилась?

Алексей тупо удивился: «Зачем звать? Она же здесь…»

Потом запыхавшийся голос проговорил:

– Обеспамятела она с испугу! Я ее в светелку свела, уложила. Я помогу вам, тетенька.

И опять сердитый говор вдовы:

– Вот дура девка! Не пришло еще время обмороки разводить! Да ладно. Бери его под коленки. Поднимай… Понесли!

Немилостивые, сильные пальцы вцепились в его плечи. И прежде чем окончательно лишиться чувств, Алексей успел подумать: «Обеспамятела? Лисонька? Увидевши меня, ничуть не испугалась, а потом… Вот чудно!»

И это было последней его мыслью.

* * *

Однако тут вышла небольшая ошибка. В ту минуту, когда Алексей ввалился в сени, Лисоньки дома не было. Она бежала по белой от инея улочке к колодцу. Девушка очень любила раным-рано, еще затемно, пройтись по утреннему морозцу, чтобы враз сон отогнать, и сейчас бойко позвякивала коромыслом, глядя на медленно тающие звезды.

Колодец был неподалеку. Лисонька быстро набрала воды, выловила из бадейки тоненькую льдинку и в тишине, царившей вокруг, внезапно услышала тихий стон.

Огляделась… под забором смутно виднелась скорчившаяся фигура.

Призрачный свет инея слабо рассеивал тьму, но Лисонька узнала человека еще прежде, чем увидела его лицо. Узнала – и сердце забилось так, что нечем стало дышать! Он ведь это – тот, о ком с недавних пор тайком от тетеньки, от сестрицы, даже от самой себя грезила она, был распростерт здесь, окровавленный!..

Слабенькая, пугливая Лисонька, которая бледнела и закатывала глаза, стоило ей палец уколоть и каплю крови увидать, теперь поднатужилась, приподняла раненого и, умостив его голову на своем плече, принялась стирать кровь и грязь с его лица.

Глаза, в которые она прежде и взглянуть не смела, вдруг открылись.

– Луиза, – прошептали бескровные губы. – Liebe, meine Taube…[12] Будьте моей женой… умоля-а…

Он снова лишился чувств, да и Лисонька сделалась на грани обморока от слов сих и от неожиданности происшедшего. Она сидела под забором, не выпуская из своих объятий того, кто только что к ней посватался – этого она не представляла себе даже в самых смелых своих мечтах! – а в голове ее толклась одна мысль: «Что скажет тетенька? Что теперь скажет тетенька?!» И так оставалась недвижима она до той поры, пока не расслышала встревоженный голос сестры:

– Лисонька! Да где ты запропастилась?!

Темная фигура бросилась к застывшей на земле девушке, вгляделась, замерла, ахнула:

– Господи! Ведь это же господин Тауберт?! И он тоже?..

– Тоже? – слабо удивилась Лисонька. – Кто же еще?

– Да князь же! – горячим шепотом выдохнула Лизонька. – Князь Алексей у нас в сенцах беспамятен лежит! – И тут глаза ее округлились от изумления. – Неужто схватились они? Неужто подрались? И Тауберт его… в кровь?! Ах, разбойник! Злодей!

В голосе ее зазвенели слезы, она с гневом поглядела на полуживого барона, и Лисонька тут же вспыхнула и, покрепче прижав к себе падающую Таубертову голову, с не меньшим негодованием уставилась на сестру.

Серые и черные глаза встретились, взоры скрестились, полыхнув огнем взаимной ненависти… Но тут же пламень угас, и сестры в неверном утреннем полусвете продолжали глядеть друг на друга – сперва недоуменно, потом с изумлением, потом с робким пониманием.

[12] Любимая, моя голубка… *(нем.)*

Они ведь росли рядом с самого младенчества, они были друг для дружки зеркалом, они мысли взаимно прочитывать умели. Так разве ж трудно было одной угадать причину сердечного трепета другой?

«Значит?..» – засветилась отгадка в глазах Лизоньки, и Лисонька в ответ лишь ресницами дрогнула: «Да, да! А ты, стало быть?..» – «Да, да!» – застенчиво улыбнулась в ответ Лизонька; и сестры, прильнув друг к дружке щеками, счастливо рассмеялись.

– Только бы тетенька не проведала! – шепнула Лисонька, и Лизонька даже вскинулась:

– Господи Иисусе! Что ж это я? Забылась! Тетенька ведь кличет тебя, надрывается. Там же князь!..

Лисонька привскочила было, но Тауберт слабо застонал, и она опять припала к нему, шепча:

– Я здесь, здесь!

Лизонька свела брови, что-то обдумывая. Потом проворно ощупала бессильное тело барона, вгляделась в лицо.

– Все цело, слава богу. Не страшись за него, – шепнула она сестре, а затем торопливо порылась в складках сарафана и вынула медную монетку. – Опусти-ка его наземь да беги скорей к Силуянушке. Вели ему на тачке господина Тауберта домой отвезти. Негоже, если застанут его тут. Знаешь, где живет он?

– Знаю, – кивнула Лисонька. – Возле церкви Жен-Мироносиц.

– Да не медли ни минуточки! Я от тетеньки отговорюсь, но ты поспешай! – И, еще раз поцеловав сестру, Лизонька убежала.

Силуян был тихий косноязыкий бобыль, живший через два дома от Елагиных и за мизерную плату исполнявший у них черную работу. Сестриц он любил всем своим одиноким, убогим сердцем, а потому по первому слову Лисоньки впрягся в тачку, на которую они вдвоем погрузили беспамятного барона. А потом Лисонька коснулась губами бледного лба Тауберта, перекрестила его и опрометью бросилась домой – по черной лесенке да в свою светелку.

Когда блеклый апрельский рассвет лишь забрезжил, запыхавшийся Силуян вернулся домой и вынул из печи горшок с кашей. Но в этот миг в его избенке появилась уже не Лисонька, а Лизонька и велела немедленно взять тачку да отвезти раненого барина домой, на Панскую улицу.

Глаза Силуяна полезли на лоб.

Но Лизонька, склонив голову, чтобы скрыть усмешку, сунула ему еще полушку, после чего Силуян послушно пошел за тачкой, а потом отвез перевязанного и отмытого Алексея Измайлова в его дом. Конечно, недоумение долго терзало беднягу Силуяна; однако по причине его робости и косноязычия тайна сестриц была навеки погребена в этой тщедушной груди.

Глава 5
Невеста двух женихов

С этих-то самых пор все и пошло-поехало наперекосяк, не по-тетушкиному. Каждое утро, далеко до свету, Лисонька с коромыслом бежала к колодцу, где ее терпеливо поджидал верный Тауберт.

Когда он, уже в добром здравии, повторил свое предложение Лисоньке и выразил незамедлительную готовность явиться к госпоже Елагиной, чтобы просить ее благословения, Лисонька пришла в ужас. Не сразу, но все-таки решилась она кое-что пояснить Тауберту, и сметливый барон понял: ни благословения, ни приданого не будет.

Лисонька очень хорошо знала презрительное, не сказать более, отношение тетеньки ко всем тем, кто хоть раз являлся к ней с закладом – кроме Измайлова. Могла, конечно, оставаться надежда, что сам Алексей не клюнет на Лисоньку-приманку, не попадется в раскинутые Неонилой Федоровной тенета. Но сия надежда оказалась напрасной.

Был он к тому времени настолько увлечен Лисонькою, что и покрасневшие глаза девичьи, и принужденное поведение, и натянутость речей, пришедшие вдруг на смену прежнему кокетству, умудрялся истолковывать самым благоприятным для себя образом. Он решил, что Лисонька без памяти влюбилась в него, оттого и сделалась застенчива сверх меры. «По счастью, Неонила Федоровна меня поощряет, – думал Алексей. – Ведь она стала все чаще выходить из горницы и оставлять нас с Лисонькою наедине». Однако чего не знал Алексей, то было известно молодой девушке: сквозь щелку в двери тетушка следила за каждым ее шагом, за каждым движением. А потому Лисонька, то сжимаясь, как испуганная птичка, то расправляя перышки, игриво поводила плечиками, стреляла глазками, поджимала губки…

На Алексея все это действовало магнетически, а потому рано или поздно случилось то, что должно было случиться. Однажды, когда Неонила Федоровна зачем-то удалилась из горницы, Алексей вдруг схватил девушку за беленькую ручку и принялся упоенно покрывать ее поцелуями.

Лисонька, конечно, сделала попытку выдернуть пальчики, но Алексей покрепче за них ухватился и, сам испугавшись своей смелости, зачастил:

– Ах, нет, не вырывайтесь, Лизавета Васильевна! Я знаю, что не противен вам! Я помню, как ваши милосердные ручки ласкали мое раненое чело, как ваши жаркие губки…

Алексей осекся, сообразив, что зашел, пожалуй, слишком далеко. Негоже и намекать-то на такое! К тому же Лисонька вытаращила на него глаза, полные столь несказанного изумления, что он догадался: здесь что-то не то…

Они так и стояли, рука в руке, когда отворилась дверь и на пороге возникла Неонила Федоровна.

Лисонька, пискнув, метнулась было прочь из горницы, да тетушка поймала ее за косу и швырнула в угол.

– Что сие значит? – воскликнула Неонила Федоровна, указуя перстом на Алексея.

Тот судорожно открыл рот – и закрыл его, не сказав ни слова, весь облитый холодным потом.

– Вон! Подите вон! – Грозный перст Неонилы Федоровны простерся к дверям.

Алексей повернулся на ватных ногах и послушно пошел, от испуга не сознавая, что делает. Но тут Неонила Федоровна каким-то необъяснимым маневром оказалась перед ним, загораживая выход, а палец ее теперь был грозно воздет к потолку.

– Бог есть, князь! Бог – есть! – провозгласила она, после чего вдруг прижала ладони к лицу и глухо, горестно вымолвила: – Как же вы могли, ваше сиятельство?! Знал бы мой благодетель, ваш батюшка…

Она умолкла, и Алексей содрогнулся, представив себе лицо отца: если бы он сейчас видел все это!

– Знал бы ваш батюшка, что вы вознамерились обмануть невинность юной, неопытной девицы! Конечно, мы – люди убогие, сироты; конечно, нас всякий обмануть может. Но вы-то… вы, князь!

И она тяжело зарыдала, рухнув на лавку.

Алексей стоял столбом. Он только и мог, что водить глазами от Лисоньки, скорчившейся в уголке, до поникшей Неонилы Федоровны. Обе эти фигуры представляли собою воплощение такого горя, что он вдруг почувствовал себя величайшим на земле грешником. А ведь еще минуту назад он не видел ничего зазорного в том, что поцеловал ручку Лисоньке. Он и не помышлял нанести бесчестье или надругательство, о коих толковала Неонила Федоровна. Лисонька ведь такая миленькая, он ни за что не причинил бы ей зла! Более того – он любит, любит ее.

Алексей вдруг понял это – и ощутил величайшее облегчение. Он сейчас скажет об этом во всеуслышание, и Лисонька с тетушкой успокоятся!

И, с величайшим трудом разомкнув пересохшие губы, Алексей вымолвил:

– Да я не… я не имел дурных намерений. Я со всем почтением к Лизавете Васильевне и к вам, Неонила Федоровна… я же хотел…

Гневливое выражение вмиг слиняло с лица Неонилы Федоровны, она облегченно прикрыла глаза, а потом посмотрела на Алексея уже совсем иначе – с вернувшейся материнскою ласковостью.

– Господи, боже мой, Алексей Михайлович! Как же вы меня успокоили! Как осчастливили! – Она прижала руки к груди, и улыбка теперь не шла с ее лица. – А то у меня сердце едва не разорвалось: каково было бы его сиятельству Михайле Ивановичу узнать о бесчестии, сыном учиняемом! Но теперь, коли у вас уже все слажено, – певуче говорила она, поднимая Лисоньку, беря за руку ее и Алексея, – то я не стану противиться вашему счастию! – И она соединила их руки. – Благословляю вас, милые дети мои!

Алексей встрепенулся и сделал попытку отдернуть руку, но у Неонилы Федоровны были железные пальцы.

«Да что это вы? – хотел воскликнуть он. – Я ведь вовсе не о том!»

Но следующие слова Неонилы Федоровны крепко заткнули ему рот:

– А что до ваших долговых расписок, Алексей Михайлович, – ласково говорила Елагина, – то, будьте благонадежны, батюшка ваш о них и не узнает!

Матушка Пресвятая Богородица… Да как же он забыл о расписках-то! Там же немыслимые суммы!

Алексей пошатнулся, зажмурился. А медоточивый голос Неонилы Федоровны так и вливался в уши:

– И о драке вашей с господином Таубертом… и об том, что вы кабак в Канавине подпалили (числилась за Алексеем, меж прочих, и сия шалость, числилась!), и что жида-ростовщика в исподнем по снегу катали, грозясь силком окрестить, коли долга господину Митяеву, другу вашему, не спишет… Обо всем смолчу, все от его сиятельства сокроем, а должок ваш зачтем как часть Лисонькина приданого…

Алексей открыл глаза.

Перепуганное лицо Лисоньки маячило пред ним. И ощущение чего-то родного, теплого прихлынуло к сердцу Алексея при взгляде на это милое, залитое слезами лицо. Лениво скользнула мысль: «Пусть будет, как будет».

Он поднялся, снова взял Лисоньку за руку и со всею возможною твердостью произнес:

– Елизавета Васильевна, умоляю вас составить мое счастье. Будьте моею женою.

И перевел дух с облегчением.

Наутро после бессонной ночи заплаканная Лисонька все рассказала Тауберту. Барон вынес удар, не дрогнув, и быстрый, расчетливый немецкий ум тотчас нашел единственно возможное спасение: бегство.

Он давно уже подал прошение об отставке, и разрешение из столицы могло появиться уже скоро – через месяц, самое большее два, три. А там сразу – тайное венчание и скорый путь в Ригу, где старый барон и его супруга будут счастливы принять сына с молодою женою. А его скромного состояния вполне достанет для них двоих, уверял пылкий Тауберт.

Лисоньке же предстояло елико возможно оттягивать венчание с Измайловым.

* * *

Время летело: весна миновала, близилось к концу лето. Утренние свидания Лисоньки с бароном сделались небезопасны из-за ранних рассветов, и они встречались теперь в полночь, едва не до вторых петухов застаиваясь у колодца, свою судьбу обсуждая. И вот после одного из таких свиданий Лисонька скользнула в заботливо приотворенную для нее черную дверь, прокралась наверх, в светелку, и бросилась на постель рядом с сестрою.

– Ну? – спросила та, приподнимаясь на локте. Луна заливала каморку, и в этом холодном свете Лизонька видела пылающие сестрины щеки и лихорадочно блестящие глаза. – Ну, что? Говори же!

– Все решено. Отставка ему дозволена, – выпалила Лисонька. – Завтра же сговорится с попом. Через два дня ночью меня увезет. Надо надеяться, тетушка лишь поутру хватится. Авось не найдет!

– Тетушка-то? – Лизонька покачала головой. – Да она тебя из-под земли выроет. Разве не знаешь?

Лисонька поникла на подушку. Как не знать! В глубине души она и сама не верила, что замысел Тауберта может удаться. Неонилу Федоровну не проведешь, надеяться нечего!

– Тетенька велит с Измайловым тайно венчаться! – прошептала она сквозь слезы. – Вдарило ей в голову! Мол, иначе его батюшка меня и на порог не пустит, благословения не даст. Да на что мне его благословение? Лучше в петлю, чем под венец с Алексеем Михайловичем! И милый он, и добрый, и собой пригож, но нелюб мне, вот беда.

– Тебе нелюб, – шепнула Лизонька. – Тебе-то нет, а вот мне…

– Да знаю, знаю я! – всплеснула руками Лисонька. – Что же делать нам, господи?!

– Погоди-ка плакать, – вдруг сказала Лизонька задумчиво. – Пускай господин Тауберт ищет попа. Пригодится! А ты скажи тетеньке, что с Измайловым под венец готова по первому ее слову, только условие поставь, чтоб непременно ночью окрутили вас. И мысль подай: мол, ни к чему, ежели она при том венчании будет. Пускай дома останется да шум для отвода глаз поднимет: мол, сбежала племянница. И скажи ей, что я сама тебя в церковь сопровожу. Вызнай, на какой день князь о венчании сговорится, и на то же время же венчание с господином Таубертом назначай. Поняла?

Лисонька свела брови, мучительно раздумывая.

Что же это получается? Выходит, Алексей будет ее ждать в одной церкви, в то время как она будет в другой венчаться с Таубертом? Но ведь если она в срок не объявится, Алексей вернется в тетушкин дом, а что за тем последует… подумать страшно!

Лизонька прочла ее мысли, потому что успокаивающе улыбнулась сестре. Отбросив со лба растрепанные кудри, она села. Лунный луч упал на ее лицо, и оно вдруг показалось Лисоньке вовсе незнакомым и удивительно красивым.

– Все сладится. Ты с господином Таубертом обвенчаешься. Ну а князь…

– А князь? – эхом отозвалась Лисонька.

– А князь лишь думать станет, что рядом с ним ты. На самом же деле он повенчается с другой.

– С другой?!

В глазах сестры плескался серебряный лунный свет. И, устремив на Лисоньку чужой, странный, таинственный взор, она тихо молвила:

– Со мной.

* * *

Сверчок-кузнец ковал всю ночь где-то в щели светелки, а когда он кует по углам, это значит, что он живущих из дому вываживает.

«Знать, судьба», – спокойно подумала Лизонька, когда они с сестрою простились с теткою на крыльце и пошли в обход кремля, нижней дорогою.

Уже смеркалось. Сестры молчали, поддерживая одна другую на косогоре. За Сторожевой башней, забравшись за кусток, торопливо обменялись одеждою: Лизонька надела черный роброн, подаренный Лисоньке князем, набросила ее же новый салоп, голову окутала флером и украдкой надела на палец перстенек, который прежде носила на шнурке. Лисонька облачилась в сарафан сестры, платок и епанчишку. Теперь их пути должны были разойтись.

Лисоньке предстояло дойти до Поганого пруда, где караулил Тауберт с двуколкою, мчать в Высоково, где ожидало их венчание, а оттуда, без задержки, прямиком на Санкт-Петербург и Ригу. Лизонька же намеревалась дальнею, обходною дорогою добраться до Успенской церкви, где… где… Она отогнала мысли, от которых бросало в дрожь.

Медлить не следовало. Оправив платье, сестры торопливо перекрестили друг дружку, расцеловались. И вдруг обеих разом пронзила одна и та же догадка: вот сей же миг разойдутся их дороги, да не на час, не до утра, а может статься, навеки!

Лисонька вскрикнула, готовая зарыдать в голос, но Лизонька резко оттолкнула ее: «Храни тебя Господь!» – и опрометью кинулась вниз по тропке в темноту.

Она бежала и плакала. Она знала, что прощается сейчас со всем миром, где росла, где жила спокойно, порою счастливо… Она бежала к неизвестности, почти наверное – к позору: ведь, когда обман откроется, гнев Алексея может быть ужасен! Однако с тех самых пор, как она увидала голубые глаза молодого князя, тревожная явь и неспокойный сон ее были полны мыслями о нем одном! Лизонька готова была на все, чтобы им завладеть.

Еще совсем недавно не было несчастнее ее во всем свете, ибо думала Лизонька, что сестра влюблена в князя. И мучительно было лежать ночами рядом с Лисонькой, чувствуя не привычную, спокойную нежность к сестре, а горечь и ревность, которые жгли, подобно угольям, подсунутым под спину.

Как-то за полночь она соскочила с постели и выбежала на черное крылечко, не в силах сдержать ненависти в мыслях и сердце. Она вся пылала, но предвесенний морозец обрушился на нее, словно ведро ледяной воды, и Лизонька замерла, обхватив руками голые плечи и глядя на белые облачка своего дыхания, которые улетали от нее и растворялись в ночи. Чудилось, это ее думы и терзания как бы отделяются от ее души и стремятся вдаль, обретая свою собственную, отдельную судьбу. И тут же представилось, что они не развеются под ветром, а улетят бог весть куда, далеко… где сделаются насельниками особенного мира. Но мир сей не прозрачен

и призрачен, как страна снов, а вполне осязаем. Сила же его в том, что он может оказывать обратное действие на существо, его породившее. Возвращать злое злому, то есть ей?..

Это было уму непостижимо. Это было невозможно. Однако Лизонька не сомневалась, что сия догадка – истина. Ведь и молитвы – суть слова, трепет уст, выражение сердечных чаяний, но производят же они свое действие: жизнь меняют, душу утешают… И тут же, стоя на морозном крыльце, она зареклась от злобных мыслей, враз уверовав, что новый мир, ими создаваемый, – с адом схож, а его исчадия ей гибельны.

Она была воистину счастлива тогда, избавившись от ненависти к сестре. Она не думала, что участь, уготованная ею для Алексея, есть то же самое зло, последствия коего не замедлят вернуться к ней. Но недолго пребывала она в блаженном ослеплении…

Как могли они с Лисонькой надеяться, что тетушку можно провести?! Нет, все разгадала Неонила Федоровна, все выведала и настигла обманщицу, обрушив на нее жуткую правду. И не чем иным, как Божьей карою, не могло оказаться это свадебное венчание!..

Глава 6
Притрава для волков

Лизонька открыла глаза и какое-то мгновение пыталась судорожно схватить ртом воздух, ибо все еще ощущала себя в смертельных объятиях ледяной, кипящей, бушующей Волги. Так тихо и темно было вокруг, что почудилось, будто она уже мертва и лежит в могиле. С воплем рванулась и ощутила: от кончиков пальцев мелкое колотье пошло по всему телу, как это бывает, когда отходит замлевшая рука или нога.

Лиза начала понимать, что долго пробыла где-то недвижима. Но где?

Она помнила страшный шторм, вмиг смешавший сферы земные и небесные. Лодку, пляшущую на волнах, искаженное горем и страхом лицо Алексея… А потом вода разверзлась, словно бы лодка устремилась в некую пропасть, и тяжелые волны сомкнулись над головою, будто каменные своды.

И все же ей удалось вырваться из воды к воздуху и ветру, и, открыв полуослепшие глаза, Лиза почти над собою увидела громадину расшивы. Течение тащило под днище. Но не за себя она страшилась. «Да жив ли Алексей?!» – мелькнула мысль. Поднятая на гребне, Лиза сумела обернуться и увидела две пляшущие на волнах головы, озаренные луною. «Слава богу!» И более она ничего не успела подумать: ее ударило о борт, а затем понесло в глубину. Она вовсе не умела плавать, но догадалась подчиниться течению, задержать дыхание, и через бесчисленное количество времени, когда, казалось, сердце вот-вот разорвется от удушья, ее вытолкнуло вверх. И она смогла наконец-то вздохнуть.

Обрывая ногти, Лиза попыталась уцепиться за плотно пригнанные, разбухшие доски расшивы, крикнула, уже захлебываясь. И вдруг что-то тугое, толстое, сырое попало ей под руку. Канат! Она вцепилась изо всех сил…

Что было дальше, Лиза не помнила, однако понимала, что спасена. Она в какой-то избе, и за мутными окошками уже виднеется рассвет.

Едва слышные голоса: мужской и женский, – доносились до Лизы. Они почудились странно знакомыми. Однако если женский голос, очень мягкий, бархатистый, успокаивал, то голос мужчины, неровный, порою срывавшийся на хрип, пугал девушку.

– Ну так где ж он, тот господин? – настойчиво спрашивал мужчина, а женщина мягко отговаривалась:

– Откуда мне знать? Разве он сказывал? Велел за девкой ходить, я и хожу. А что да как, мне и ни к чему.

Что-то забулькало, повеяло духмяным паром, и Лиза догадалась, что женщина заваривает какие-то травы.

– Девка? – хмыкнул мужчина, и к запаху трав добавился табачный дух: видимо, он разжег трубку. – Девка, ишь ты! Не девка, а барышня, так ведь, а, Татьяна?

– Будет тебе! – прикрикнула женщина, и в голосе ее прорвались давнее, скрытое раздражение и легкое дуновение страха. – Заладил! Надоело, понял, Вайда?

– Надоело тебе! Неужто ослушаться посмеешь? Или отдашь все-таки колечко?

– Дэвлалэ! – с сердцем выкрикнула Татьяна. – Да где ж я тебе его возьму?! Сколько раз говорено: было кольцо, да куда-то запропало. Может, соскользнуло? Пальцы-то вон как у нее исхудали, долго ли упасть колечку?..

Лиза шевельнула левой рукой, но не ощутила на безымянном пальце прохладного ободка. Что же это за кольцо? Что значило для тетушки-покойницы, что значит для этого незнакомца? И где оно?

Она почти не дышала, надеясь услышать еще что-то; однако в этот миг Татьяна высыпала в булькающее варево новые травы. По избе расползся острый пряный аромат. Ноздри защекотало, Лиза не удержалась и громко чихнула.

Тотчас над ней нависли две неясные тени, а через миг мрак рассеялся: женщина поднесла к самому лицу Лизы лучинку. Но при этом осветились и склоненные над девушкою лица – и она вновь едва не лишилась чувств.

Воистину, были они ужасны! Кривая гримаса того самого сергача, который так долго являлся ей в кошмарных сновидениях, а рядом с ним – дочерна смуглая личина, крест-накрест перечеркнутая по щекам и носу бледно-розовыми шрамами.

Крик замер в горле. Лиза вскинула руки, заслоняясь, но цыган схватил ее за плечи и заставил сесть.

– Да, хитра Неонила! Ан по-моему вышло. Говори, где кольцо?

Лиза качнула головой, завороженно уставилась в единственный глаз цыгана. Ничего, кроме лютой злобы, не было в нем.

– Зря молчишь, княжна! – прошептал Вайда ядовито. – Зря молчишь! Я долго ждал! Слишком долго! Сперва проклятая Неонила вокруг пальца обвела. А ведь это за ее грех я… Ну да ладно! Выжил! Потом искал ее. Нашел! Но меня мой же медведь едва не задавил, а ее черт спас. И, гляди, расщедрилась судьбина: тебя прямо в руки ко мне принесла. Там-то, в Нижнем, Неонила мне другую девку едва не подсунула. Помнишь? А ты бойка! Как меня тогда! – Он хрипло засмеялся, словно залаял. – Любо! Любо! В отца своего пошла, в Михайлу Ивановича, в его сиятельство… чтоб не знать ему на том свете роздыху, когда станут бесы терзать. Но ты не убойся меня. Ты мне без надобности. Мне кольцо нужно! Где оно? Говори!

Лиза опять качнула головой.

Разгоряченный лик Вайды потемнел.

– Ну, коли так, – тяжело уронил он, – коли так… – И, вновь воспламеняясь гневом, выкрикнул: – Тэ хав мэ дадэскиро мас![13]

Он сорвал со стены тулуп, окутал им Лизу так, что она не могла шевельнуться, и, отбросив в угол Татьяну, пытавшуюся преградить ему путь, выскочил из избы. Сила его была такова, что он одной рукой перекинул Лизу через плечо, а другой схватил какую-то орясину и подпер дверь, чтобы хозяйка, бросившаяся вдогон, не смогла выйти.

– Хасиям, ромалэ![14] – отчаянно кричала она и билась в дверь. Напрасно: цыган был уже далеко.

Вонючие завитки бараньей шкуры забивали рот и нос. Лиза почти задохнулась, когда после стремительного бега, показавшегося ей мучительно-бесконечным, цыган наконец сорвал ношу с плеча. Он поставил девушку, и та пронзительно вскрикнула: снег ожег босые ступни. Но ручища цыгана запечатала рот, а ненавистный голос произнес:

– Тихо! А то шею сверну, не помилую. Посмотри-ка лучше сюда!

Вайда грубо повернул Лизу, и она сквозь слезы, застывшие на ресницах, с трудом разглядела, что оказалась на малой лесной прогалине, в окружении могучих, сплошь белых елей, а перед ней стоит сооружение весьма странного вида. Оно являло собою округлую фигуру, в поперечнике саженей в шесть, огороженную высоким и толстым частоколом. Сооружение было разгорожено на три клетушки, из коих одна, в середине, обнесена досками, а иные – кольями. В каждой были свои дверцы. Все клетушки пустовали, кроме одной, из которой неслся истошный поросячий визг.

Цыган сорвал с Лизы тулуп, затем приподнял одну из дверей и, пригнувшись, протиснулся в клетушку, волоча за собой девушку. Здесь цыган проворно затянул на ее руке петлю, а

[13] Да чтоб я съел тело отца! – самое страшное цыганское проклятие.

[14] Пропали мы, цыгане! *(цыган.)*

другой конец веревки накрепко прикрутил к одному из столбов частокола. Толкнув Лизу так, что она растянулась на снегу, Вайда выскочил из клетушки, приподнимая за собою висячие двери и закрепляя их на небольшой высоте. Оказавшись на воле, он обежал частокол, припал к ограде рядом с Лизой.

– Знаешь, что это? – выкрикнул он. – Садок для волков! Чуть смеркнется, они тут будут. Вон для них притрава, – он махнул в сторону деревянной загородки, скрывающей поросенка. – А теперь еще и ты.

– Нет! – закричала Лиза, бросаясь на ограду.

– Не пытайся. Не повалишь. Случается, и медведь сюда забредет, так что накрепко слажено, – ухмыльнулся цыган. – Ну, где кольцо? Отдашь?

Господи! Да будь у Лизы сейчас это кольцо!.. Кольцо, кое ничего для нее не значило, кроме памяти о Неониле Федоровне, кроме подтверждения, что она и впрямь относится к почтенному, старинному, богатому роду, принадлежать к которому не хочет, не желает!

– Молчишь? Ну, молчи, молчи! Еще покричишь! – Цыган накинул на плечи тулуп, в три прыжка одолел прогалину, взметывая снежные вихри, и скрылся в лесу.

Зуб на зуб не попадал, босых ног Лиза уже не чувствовала, в ушах ломило от поросячьего визга. Подбежала к висячей двери, насколько позволяла длина веревки.

Сил расшатать колья ограды у нее не хватит. Может быть, удастся распутать узлы и проскользнуть под дверь?

Однако та оказалась приподнята на столь малую высоту, что под нее можно протиснуться только плашмя. Дверь держалась на оцепах, которые были насторожены на язычках, привязанных к дощатой приваде. Все вместе напоминало огромную мышеловку. Лиза догадалась: волки, которых приманит своим визгом обезумевший поросенок, сбегутся к садку и, протиснувшись под двери, будут стараться достать запертую животину, прыгать вокруг загородки, а значит, рано или поздно наступят на язычки. Дверь сорвется, и выход волкам окажется заперт.

Хотя зачем им рваться к поросенку? У них будет более легкая добыча!

И в это мгновение в глубине еловой чащи зародился, а потом раскатился над лесом и взмыл к быстро меркнущим небесам леденящий душу волчий вой.

Лиза рванулась к присыпанному снегом язычку, чтобы, нажав на него, обрушить дверь и получить хоть какую-то защиту, но веревка была слишком коротка, и девушка упала, не дотянувшись. Вскочила, кинулась к деревянной притраве, думая вскарабкаться на нее. Нет, не пускает веревка! Тогда она попыталась распутать узел, но он был слишком тугой, а пальцы от мороза онемели, едва слушались. Последняя надежда! Лиза впилась зубами в петлю, охватывающую руку. Но веревка оказалась крепка. Она была пропитана дегтем и, залубенев на морозе, в кровь раздирала губы. На миг оторвавшись, чтобы перевести дух, Лиза увидела, что солнце неумолимо скатывается за острые вершины, в зените сгущается мгла, а на сугробах вспыхивают желтые огоньки…

То шли волки.

У Лизы вдруг иссякли последние силы. Прислонилась к ледяным кольям и с предсмертным, обреченным спокойствием следила за мельканием серых призрачных силуэтов уже совсем рядом.

«Матушка Пресвятая Богородица! – будто сквозь сон подумала Лиза. – Господи, Боже мой милостивый! Прими мою душу грешную! Сделай так, чтобы скорее… скорее!..»

Но было очевидно – скорой смерти ей не суждено, а ждет ее смерть мучительная. Тогда, в последнем трепете гаснущего разума, подняв скользкую, будто черная змея, веревку, Лиза захлестнула вокруг шеи петлю, затянула узел и что было силы рванулась в сторону…

Если бы она подождала немного, совсем чуть-чуть!.. Если бы подождала немного, увидела бы, как из леса выскочил Вайда, перебежал поляну, в немыслимом прыжке взлетел на

оледенелые колья ограды и приземлился рядом с лежащей замертво Лизою. Он выдернул из-за пояса нож, полоснул по черной петле, стянувшей девичье горло. И, стремительно распрямившись, принял на тот же нож первого волка, который проник в садок.

Если бы Лиза могла сейчас очнуться, она услышала бы, что в жуткое смешенье волчьего воя, тяжелого дыхания Вайды, предсмертного хрипа зверя, повизгиванья поросенка вдруг ворвался гром выстрела, и огненная вспышка вмиг развеяла алчную стаю. Серые тени таяли во тьме леса, на прогалину выбежал высокий человек, держащий наперевес ружье. За ним поспешала Татьяна с пылающим факелом в руке.

Лиза их видеть не могла, но цыган увидел. Запаленно дыша, он вскочил на деревянную крышу притравы, оттолкнулся и перелетел через высокий частокол. Вслед ему ударил новый выстрел, да напрасно: только снег осыпался с тяжелых ветвей, отмечая путь Вайды, который растворился меж елей, оставив цыганке и незнакомцу высвобождать из волчьего садка Лизу.

Недвижную, беспамятную, но живую.

Глава 7
Нижегородский семинарист

– Ну, полно, полно, девонька! Будет спать-то! Полжизни проспишь!

Лиза открыла глаза и ужаснулась. Опять это смуглое до черноты лицо с жуткими розовыми шрамами! Цыганка, Татьяна. А значит, где-то близко Вайда!

Но Татьяна улыбнулась:

– Хватит тебе бояться. Никого больше здесь нет. Сгинул Вайда, будто сроду не бывал. А ты, гляди, более в обморок не ударяйся. Я извелась за тобой ходить-то! С самого октября без памяти лежишь. Раз пришла в себя – и опять из-за Вайды провалилась в беспамятство!

– А сейчас что на дворе? – спросила Лиза, пытаясь приподняться и глянуть в отворенное окошко, сквозь которое вливались золотистые полосы солнечного света и накатывали легкие волны лесных запахов.

– Май пришел, – развела руками Татьяна. – Черемуха начала напукопываться. А ты все спишь. Так ведь и до смерти проспать можно!

Лиза слабо улыбнулась шутливой укоризне в ее голосе.

– Ничего не помню, – тихо сказала она. – И вспомнить не могу, сил нет.

– Ясное дело! – кивнула Татьяна. – Откуда им быть? Ты полгода одними отварами травяными жива. Ни хлебца, ни мяса, ни рыбки. Так, водичка, а в ней какая сила?

– Ой, – с трудом выдохнула Лиза, едва справившись с судорогой, вдруг опоясавшей живот. – Христа ради дай мне поесть! С голоду умираю!

Татьяна строго подняла палец.

– Не больно-то, девонька, разохоться! Нутро от тяжелого отвыкло, в одночасье помереть можно. Вот в молочко хлебца накрошим, это как раз по тебе. Но хорошо, что есть хочешь. Значит, жить хочешь! А то просто беда с тобою. Лежишь, словно бы смертным зельем опоена.

Лиза слушала будто сквозь сон. Жизнь вливалась в нее с каждым глотком молока, с каждым кусочком хлеба, тепло расходилось по телу блаженными волнами, и слезы наворачивались на глаза.

Наконец она отставила миску и откинулась на подушку, слишком измученная даже этими несколькими движениями. Татьяна неслышно вышла, так же тихо вернулась и, подойдя к Лизиной постели, внезапно бросила на нее охапку свежесорванной зелени.

Лиза даже задохнулась от неожиданности, зажмурилась. Почудилось, что на нее обрушился зеленый дождь, что благоуханный порыв ветра вдруг подхватил ее и понес, и она летит, летит в зеленом небе, меж зеленых облаков, над зеленым лесом…

Все позади, все позади! Избыла во время своего полусмертного сна всю горечь и весь страх, все свои былые чаяния, робкие мечты. Заспала их! Как бы там ни было, ничего не вернуть, а значит, ничего нет прекраснее нынешнего дня!

– Эй, эй! – Татьяна, неслышно приблизившись, потрясла ее за плечо. – Опять спать?

Лиза покачала головой, не открывая глаз.

– Нет, все уж, на всю жизнь выспалась. Ты сядь вот сюда, слышишь? Тебя ведь Татьяною зовут? – И, открыв глаза, улыбнулась, уже не страшась диковинного лика.

Татьяна вскинула брови.

– Почем знаешь?

– Слышала. Тебя Вайда называл так.

– Вайда! – Татьяна смотрела на нее испытующе. – Вот как… А что еще слышала?

– Про кольцо.

– Ну, еще бы про кольцо не слышать! Он, черт, едва жизни тебя не решил за то кольцо. И он же, Вайда, от смерти тебя спас. Мы подбежали, а Вайды уж и след простыл, только убитый волк валяется да веревка, коей ты удавиться вознамерилась, перерезана…

Лиза смотрела непонимающе. Татьяна вдруг насторожилась. За окном раздался топот копыт, потом шаги. Цыганка резко вскочила, задергивая занавеску, отделявшую уголок, в котором была устроена Лизина постель.

– Погоди, – шепнула она. – Лежи тихо! Идет кто-то!

И в ту же минуту Лиза услышала, как отворилась дверь, а затем незнакомый мужской голос произнес приветливо:

– Здравствуй, Татьяна! Вот и я.

– Здравствуйте, барин! Наконец-то пожаловали!

Лиза поняла, что она рада появлению этого человека с твердой поступью и мягким, приятным голосом. Кто же это?

Между тем слышно было, что гость вносит в избу какие-то вещи, а Татьяна приговаривает:

– Я уж затревожилась, не случилось ли с вами чего? Больно долго отсутствовали. Присядьте, сударь. Молочка теплого испить не изволите с дороги?

– Охотно, – ответил гость, и сквозь тонкую завесь Лиза увидела темную фигуру, продвинувшуюся к столу и опустившуюся на лавку. – Эх, чудесно! Выздоровела, значит, твоя Буренушка? Не напрасно мы над ней мудрили? А теперь, голубушка, сделай милость, истопи баньку, устал я с дороги отчаянно.

– Извольте, барин. Живой рукою все сделаю! – отозвалась Татьяна и вышла из избы. А Лиза так и лежала затаившись, слушая, как гость прошелся по избе, потом налил себе еще молока, со стуком поставил кувшин, сел и долго, с удовольствием пил, а затем вдруг притих там, на лавке, и лишь его неясные очертания видны были Лизе.

Любопытство донимало ее донельзя, и наконец она осмелилась спустить ноги с лавки, встать и с величайшими предосторожностями, чуть касаясь пола, сделать два шажка до занавески. Чуть сдвинув ее, чтобы открылась малюсенькая щелочка, Лиза выглянула, однако неосторожно потянула занавеску… и та вдруг с треском оборвалась!

Незнакомец вскочил и стал лицом к лицу с Лизой. Она метнулась на свою лавку и забилась под одеяло, испуганно глядя на гостя.

Несмотря на сросшиеся брови и резкие черты, лицо этого человека имело выражение настолько добродушное и даже застенчивое, что Лиза сразу почувствовала, как исчез не только страх, но и неловкость, которая прежде всегда сковывала ее при встрече с незнакомыми людьми. Она доверчиво смотрела в его глаза и вдруг заметила, что гость покраснел темным внезапным румянцем.

Приход Татьяны прервал затянувшееся взаимное созерцание.

– Вот видите, Леонтий Петрович, сударь, мы с вами уж и веру потеряли, что Лизонька придет в себя, ан нет! Ожила! Я, вас увидевши, засуетилась, да и забыла рассказать.

– А я сробел спросить, – извиняющимся тоном произнес гость. – Думал, ежели бы она очнулась, так ты мне с порога выложила бы. А ты молчишь… Ну, слава богу! Наконец-то! С выздоровлением вас, Елизавета, а как по батюшке?

Лиза опустила глаза. По батюшке? По батюшке она, очевидно, Михайловна? Господи, о господи… Но не надо им об том знать. Никому об том знать не надобно!

– Елизавета Васильевна…

Пока гость парился в Татьяниной баньке, хозяйка принесла две бадейки с горячей водой и, поставив у постели лохань, проворно выкупала Лизу, отчего ей сделалось куда легче. Потом опять напоила ее горячим молоком, а гость тем временем ужинал. И только в сумерки, когда

небо в окошках налилось густой синевой, а над закатным солнцем пролегла зыбкая розоватая полоска тумана, гость и хозяйка сели напротив лавки, где лежала насторожившаяся, встревоженная Лиза, и начался разговор, затянувшийся далеко за полночь.

* * *

Леонтий Брагин был сыном звонаря из Балахны и лучшей доли для себя измыслить не мог, чем достижение высокого духовного звания. Пройдя букварное и грамматическое учение в духовной гимназии в родном городке, он, за успехи в учении, тринадцати лет от роду был взят в Нижегородскую семинарию, имевшую цель, по мысли правительства, готовить миссионеров для еще полуязыческого Поволжья.

Восемь лет впитывали в себя философские и богословские знания молодые нижегородские поповичи, а затем разъезжались: часть – продолжить образование в Московскую духовную академию, а другие – на места, в разные города Поволжья. Леонтий полагал, что он вернется в Балахну, а впрочем, готов был ехать куда угодно. Но суждено ему было иное: за успехи его отправили на медицинский факультет университета в Москву.

Практическая медицина нимало не влекла Леонтия, однако же любовь к латыни сыграла свою «пагубную» роль, ознакомив молодого человека с основами естествознания, а прежде всего ботаники. Он упивался научной латынью, будто музыкою; и для него чудом, благословением Божьим стало приглашение от Ивана Николаевича Лопухина, профессора Петербургской Академии наук, отправиться после окончания университета в составе им возглавляемой экспедиции для изучения географического, геологического, этнографического и биологического состояния российских провинциальных краев от Санкт-Петербурга до самого Урала.

Однако накануне отправления экспедиции, простудившись под досадливым дождичком, Леонтий Брагин слег с нарывом в правом ухе, едва не сделавшимся причиною воспаления мозга. Когда Леонтий поднялся на ноги, экспедиция была уже в пути.

Брагин надеялся, что сможет перехватить Лопухина в городке Василе, где Волга встречается с Сурой и где профессор планировал недолгую остановку. Сговорившись с хозяином торговой расшивы, которая шла вниз по течению, Леонтий в полдень холодного августовского дня прибыл на борт. Однако погода на глазах испортилась, и хозяин остерегся сниматься с якоря. Он оказался прав, ибо к вечеру разыгрался настоящий шторм.

Леонтий спустился в трюм, вынул из дорожной котомки походный подсвечник, чернильницу с крышечкой, очинил поострее перышко, разложил тетрадки и бойко застрочил, занося на бумагу все, что узнал от хозяина постоялого двора, когда из-за распутицы застрял на два дня близ Владимира:

«Прелюбопытное заблуждение владимирских жителей состоит в так называемом Плавучем озере. Озеро сие находится в восьми верстах от Владимира, весьма обширно оно и глубоко. Наименование «Плавучее озеро» произошло от следующей повести.

Великий князь Юрий Владимирович Долгорукий, объезжая и осматривая грады и веси правления своего, ехал чрез те места, где ныне стоит царствующий град Москва и которые тогда принадлежали некоему боярину Кутковичу. Князь Юрий Владимирович ждал поздравления от сего боярина, но сей горделивый боярин отвечал его посланным, что он нимало не обязан оказывать послушание князю, будучи сам властелин в маленькой своей землице. Юрий Владимирович, сильно раздраженный сим ответом, приказал своим воинам насильно привести пред себя сего упорного боярина. И как тот нимало не хотел извинять свою проступку, то по приказу князя на том же месте лишен был жизни.

Бывшие у него дети, сын и дочь, услышав о судьбе своего родителя, с великим воплем и рыданием прибежав, оплакивали тело отца своего…»

Леонтий поднял голову. В плеске воды и шуме ветра ему вдруг явственно почудился крик.

Прислушался. Встал, отодвинув сундучок, служивший ему столом.

В тесном трюме полутемно, ничего не различить, кроме звуков шторма.

«Может быть, на палубе что-то?»

Он уже двинулся было к лесенке, но взгляд его рассеянно скользнул по записям в тетради:

«…с великим воплем и рыданием прибежали оплакивать тело отца своего…»

Леонтий усмехнулся. Вот чей крик ему послышался! Все очень просто!

Волна ударила в борт расшивы, и Леонтий едва успел поймать подсвечник. Огонек погас. Махнув рукой на работу и отогнав призраки, он улегся спать на тюках с кожей, шерстью и льном, которыми была нагружена расшива.

Едва рассвело, как его разбудили беготня и суета на палубе. Торопливо одевшись, Леонтий поднялся наверх.

Шторм утих, будто его и не было. Расшива медленно двигалась по течению, распуская паруса. Занимался ясный рассвет. Печорский монастырь на траверзе правого борта сверкал куполами на зеленом берегу, в скрещении белых, серебряных, ослепительных солнечных лучей. С восторгом перекрестившись и сотворив поклон чудному видению, Леонтий пошел по палубе туда, где толпились люди, и блаженная улыбка сошла с его лица.

…Ее заметили, когда капитан велел сниматься с якоря. Она висела на якорном канате, слегка поднимаясь над водой, намертво вцепившись в него заледенелыми руками, а вокруг пояса была охвачена длинной полосой тонкого, но прочного шелка. Наверное, отчаявшись дождаться спасения, она в последнем проблеске сознания смогла привязать себя к канату. Так ее и вытащили вместе с якорем.

Люди снимали шапки, крестились. Тяжелое молчание царило на палубе.

– Может, на лодке переправлялись? – наконец решился кто-то нарушить тишину. – В такой-то шторм – верная погибель! Бедняжка, кричала небось, звала. А мы… Упокой, Господи, ее душу!

«Это она кричала! – вдруг понял Леонтий. – И я слышал ее. Слышал! Боже мой!»

Он растолкал судовщиков, упал на колени в порыве раскаяния и отвел с лица утопленницы мокрые темные пряди.

Белое, строгое лицо открылось ему. В синеву бледные губы. Окоченелая шея…

Он провел кончиками пальцев по мраморной щеке, ледяной шее. И сильнее молнии вдруг пронзил его легчайший трепет пульса в голубой жилке!

– Жива! – крикнул Леонтий, рывком подхватывая безжизненное тело и прижимая к себе. Вся одежда его тотчас же сделалась насквозь мокрой, но он не чувствовал. – Жива! Скорее водки, что-нибудь сухое. Воды горячей!

Голова спасенной запрокинулась; и когда Леонтий снова взглянул ей в лицо, сердце его на миг замерло.

Теперь он знал, зачем опоздал в экспедицию. Теперь он знал, что значит судьба!

Он не знал только, что держит на руках свою погибель.

Глава 8
Черная Татьяна

Растертая водкой, согретая, переодетая в сухое, спасенная, однако же, не возвращалась к жизни. Что же с ней делать? Ей уход нужен, лекарь нужен, а не путешествие и неудобства!

– Послушай-ка, молодец, – сказал наконец хозяин расшивы, хмуро поглядывая на осунувшееся лицо своего еще вчера такого веселого и беззаботного пассажира и проницая опытным взором, какая сердечная печаль терзает его и почему забота о незнакомой девушке стала вдруг средоточием его помыслов. – Послушай меня. Ты лишь до Василя с нами идти намеревался? Так вот, в версте до него я тебя высажу. Сейчас вода большая, почти к самому берегу сможем подойти. Там, на взгорье, изба стоит. Живет в ней цыганка, Татьяной ее зовут. Черная Татьяна. Страшна, как нечистый из преисподней, однако душою добра и разумом проворна. Поговаривают людишки: хаживают к ней лесные разбойнички, знается она с купцами беспошлинными[15]… Всякое может статься, но мне до того дела нет. Знахарка она отменная. Если кто эту девку на ноги поставит, так лишь Татьяна. Она ко всем добра, тебя с дорогой душою примет!

Так и вышло. Едва Леонтий, держа на руках завернутую в тулупчик бесчувственную девушку, переступил порог избушки, одиноко стоявшей на высоком берегу Волги, окруженной с трех сторон дремучим лесом, как хозяйка, смуглая, с иссеченным шрамами лицом, проворно раскинула на широкой лавке в углу перинку, сверху бросила чистую ряднину и, ничего не спрашивая, помогла Леонтию уложить больную.

Не сводя пристальных черных глаз с неожиданного гостя, она выслушала его сбивчивый рассказ и чуть нахмурилась, когда он потянул из-за пазухи кошель. Но когда Леонтий щедро высыпал мрачной знахарке в подол все свое достояние – очень небольшое! – она молодо, заливисто рассмеялась:

– Сами-то, сударь, побираться пойдете? Да и куда мне столько! Я от своих трудов безбедно живу.

Она взяла два серебряных полтинника, остальные ссыпала обратно в кошель, затянула его веревочкой и, вернув Леонтию, приказала:

– А теперь, сударь, подите за дверь, мне больную осмотреть надобно.

Но тот не двинулся с места. Он не сводил глаз со смуглых и сухих рук цыганки, которые развязывали тесьму надетой на незнакомку мужской нательной рубахи, ибо ее платье, еще сырое, было увязано в узелок, а переодеть ее пришлось в единственную смену Леонтьева белья.

– Кто ходил за ней на расшиве? – спросила хозяйка и, не дождавшись ответа, обернулась.

Один взгляд в пылающее лицо молодого человека открыл цыганке все… А его глаза еще видели девицу такой, как там, в трюме расшивы, когда, растирая лишенную сознания незнакомку водкой, думая лишь о спасении ее жизни и о своей страшной вине перед нею, Леонтий вдруг, остановившись передохнуть, оцепенел перед зрелищем этого беспомощно распростертого белоснежного тела. Он никогда в жизни не видел обнаженной женщины, лишь только на срамных картинках, ходивших средь студентов, однако ничего, кроме отвращения, эти уродливые изображения в нем не вызывали. Плотские томления, по счастью, были к нему снисходительны, а жаркие рассказы друзей не будили фантазию, до двадцати пяти лет поглощенную исключительно учением. Но созерцание этой красоты, всецело отданной в его власть, подкосило Леонтия! Вся кровь его взыграла, разум помутился. Потрясенный до самых глубин существа, он был близок к тому, чтобы развести эти безвольно раскинутые ноги, втолкнуться меж

[15] То есть с контрабандистами.

ними, отведать первой девичьей крови своей жаждущей, словно бы стонущей от желания плотью. Но слишком велик был страх еще более повредить состоянию незнакомки, опасение, как бы она не умерла в его объятиях.

Но сейчас он вновь не мог отвести глаз от белых холмов, открывшихся в широком вороте рубахи. Татьяна, мгновенно угадавшая его состояние, промолвила с ехидцей:

– Что-то в дверь задувает. Закрыли бы, сударь! Только с той сторонки.

Леонтий не слышал, не двинулся с места, медленно приходя в себя. Усмехнувшись, цыганка перестала раздевать больную и обхватила ее левое запястье, с ловкостью опытной лекарки нащупывая биение пульса. Пальцы девушки поникли в ее руке. На безымянном блеснул незатейливый серебряный перстенек с печаткой в виде подковки… И Татьяна, охнув, вдруг выронила ее безвольную руку.

Леонтий, услышав этот стон, встрепенулся, изумленно уставился на цыганку, которая оперлась на лавку, чуть не падая, и смуглое, темное лицо ее вдруг побледнело впрозелень.

– Что такое? – подскочил к ней Леонтий, перепуганный тем, что и эта, кажется, готова свалиться бесчувственна, а еще пуще – не пугала ли Татьяну до такой степени какая-то внезапность в состоянии больной. – Что с вами?

– Ни-че-го… – едва выговорила цыганка серыми губами, не сводя глаз с руки девушки. – Уже прошло. Прошло. – Она выпрямилась, еще бледная, но стараясь овладеть собою. – А теперь подите за дверь, сударь, мне осмотреть больную надобно!

Через некоторое время Татьяна его позвала. Она определила у незнакомки сильнейшую нервную горячку, отягощенную воспалением легких, но бралась излечить, хотя сразу сказала Леонтию, что подобные заболевания длятся долго и чреваты затяжным беспамятством.

– Так что отправляйтесь с богом, сударь, вдогон за своими сотоварищами, – велела наконец Татьяна. – Я уж сама тут слажу.

Леонтий молчал. Он и думать забыл об экспедиции! Сидя у стола, накрытого для него проворной хозяйкою, и безотрывно глядя на занавеску, скрывавшую от него метавшуюся в жару девушку, он мрачно признавался себе, что не в силах никуда уехать от нее.

Решено. Леонтий найдет себе жилье в Василе и будет как можно чаще наезжать к Татьяне, а свободное время посвятит походам и поездкам по окрестностям – своей собственной экспедиции! Когда же девушка придет в себя и окрепнет, он почтет за честь доставить ее домой или куда она пожелает.

Однако непроницаемая завеса тайны все еще окутывала незнакомку. Как-то раз, в декабре, Леонтий застал Татьяну запертою в избе: дверь была заложена снаружи. Ворвавшись в дом, откуда неслись истошные крики, Леонтий замер перед разоренным ложем: девушка исчезла! Татьяна билась в рыданиях, и насилу смог Леонтий от нее добиться, что недавно ворвался в избу какой-то обезумевший цыган и утащил беспамятную девушку в лес. От этой вести Леонтий и сам едва не обезумел, а потому не заметил слабо латанных дыр в рассказе плачущей Татьяны. Потом Леонтий лишь смутно мог припомнить свой неистовый бег с ружьем наперевес по заснеженному лесу в сопровождении Татьяны, которая догадалась прихватить смоляной факел.

Страшное зрелище открылось им: привада, убитый волк, одноглазый цыган с окровавленным ножом, а самое жуткое – девушка, почти раздетой лежащая на снегу. Цыган тогда исчез, ибо Леонтий и не вздумал его преследовать; все внимание было поглощено другим. Вспоминался обратный путь, когда Леонтий, чудилось, летел над сугробами, прижимая к груди незнакомку. И вновь ее голова лежала на его плече, а сердце слабо билось у самого его сердца, и он был почти счастлив, почти признателен чудовищному цыгану…

И все тогда началось сначала: жар, беспамятство, хмурая озабоченность Татьяны и горячечные томления Леонтия – прежние хлопоты и прежние надежды, пока наконец неожиданно

для себя он не застал девушку в сознании и, впервые заглянув в серые, строгие глаза, понял, что с ним происходило все эти месяцы: он полюбил ее.

* * *

Шло время. Леонтий забросил все свои дела и всякий день наезжал из Василя в Татьянину избушку, ибо уже не в силах был жить, не видя Лизы каждодневно. Она быстро поправлялась, глаза засияли, мраморную бледность щек сменил румянец. Но, конечно, она была худа и обессилена: все сидела на припеке у воды, уставившись на синюю гладь, слушая тихий говор волн, следя за солнечной игрою на просторном безоблачном небе, ибо дни стояли один в один: безветренные, жаркие, благоуханные.

Думы в усталой Лизиной голове текли так же медленно и мерно, как течение дней, как волны, но постепенно созревало решение: ей нет смысла возвращаться в Нижний. Зачем? Бродить по пепелищу? Лисонька где-то далеко, тетушка умерла, дом почти наверняка разграблен. Полгода ведь минуло, полгода! И постылей смерти возвращаться в тот дом, в те стены…

Ну, хорошо – не возвращаться. А как жить? Она не знала ответа. Тогда судьба распорядилась за нее.

В тот день Леонтий приехал уже на закате, а потом, засидевшись с Лизой на бережку до первой звезды, расседлал коня, задал ему корму и с деланым огорчением сообщил Татьяне, что, беда, запоздниился и должен просить ночлега. Татьяна в ответ лишь усмехнулась с тонкой женской язвительностью и принялась собирать ужин. Завесили окна от комаров и зажгли лучину. Леонтий, щурясь от дыма, что-то по обыкновению строчил в своей тетради.

В представлении Лизы для истинных мужчин существовали только два достойных уважения занятия: военная служба или помещичья жизнь. Ну, может быть, еще купеческие дела. Остальное – удел неудачников, ни хваткой, ни догадкою не отличающихся. И, оставаясь безгранично благодарной Леонтию, она тем не менее относилась к нему с изрядной толикой снисходительности, словно взрослая женщина к неразумному недорослю.

Татьяна поставила на стол чугунки с окрошкою и кашею и отошла поправить занавеску на окне, потому что в щелку уже просочился первый шустрый комарик и затянул свою занудливую песнь. Татьяна чуть сдвинула завесь, бросила мимолетный взгляд во двор… да, охнув, так и припала к окну.

– Что? – вскочил Леонтий, хватаясь за ружье, главную свою драгоценность, кое было всегда при нем.

Татьяна, не отвечая, выметнулась на крыльцо. Леонтий бросился следом.

Но возле избы никого не было. Лес стоял темен и недвижим, под берегом тихо дышала река.

– Знать, помстилось, – медленно вымолвила Татьяна, возвращаясь в горницу. – К столу пожалуйте. Каша стынет.

Однако по всему видно было, что беспокойство ее не улеглось. Она ела рассеянно, вздыхая, уставившись в угол, словно что-то неведомое там высматривала. Леонтий и Лиза тревожно переглядывались.

Словно почуяв их тревогу, Татьяна вдруг подняла отягощенную невеселыми думами голову и пристально взглянула в глаза сперва Леонтию, а потом и Лизе.

– Беда близко, – тихо сказала цыганка, и оба они выпрямились даже с некоторым облегчением, потому что неизвестность и смутные предчувствия гнетут куда более, нежели прямая и открытая угроза. – Чуть рассветет, Леонтий Петрович, уведешь девку отсюда.

– Что? – вскрикнула Лиза. – Ты меня выгоняешь?

– Деточка… – вымолвила Татьяна с такою нежностью, что Лиза не сдержалась и громко всхлипнула. – Девонька моя, дочечка, я тебя не выгоняю, а спасаю, родненькая ты моя! Но только не проклинай, не проклинай меня!

Этого Лиза не смогла вынести. Она бросилась к Татьяне и обняла ее что было сил. Цыганка была лишь по плечо девушке, вытянувшейся за время болезни. И со стороны могло показаться, что это Татьяна плачет, а Лиза ее утешает. Впрочем, Леонтию, который остолбенело слушал задыхающуюся Татьянину скороговорку, вскоре стало ясно, что так оно и есть.

– Прости меня, деточка, прости, голубушка, – невнятно бормотала Татьяна. – Не знала ты, а ведь это с моего пособничества тебя когда-то от родимой маменьки отняли, жесткосердной Неониле вверили, в беду вековечную вовлекли. За то меня отец твой, князь Михайла Иванович, приказал плетьми сечь до смерти…

Лизе почудилось, будто в самое сердце ее вонзилась раскаленная игла. Нет, да нет же, она ослышалась! Татьяна не в себе, не ведает, что говорит!

А та, справившись с рыданиями, отстранилась от Лизы и выпрямилась.

– Сейчас за окном я видела Вайду. Он от своего не отступится. Я его хорошо знаю!

– Вайда брат твой? – спросила Лиза, смахивая слезы и с пробудившимся недоверием глядя на цыганку.

– Он мне брат родной, да матки не одной, – печально усмехнулась та. – Мужем был он мне… мужем! А сестра его – Неонила.

Лиза онемела.

Сестра! Неонила Федоровна, сухая и строгая, – сестра этого кровожадного чудовища? Невозможно, в голове не укладывается! Да они и непохожи ничуточки.

Татьяна досуха утерла лицо уголком платка, тяжело вздохнула:

– Сядь, Лизонька. Ты сядь. И вы, Леонтий Петрович, сядьте. Напоследок повиниться перед вами хочу. Разговор-то мой, конечно, тайный, особенный, да уж коли судьба так заплела… Ответьте, Леонтий Петрович, вы единожды Лизоньку спасли, так спасете ли другожды?

Тот резко кивнул.

– Хорошо, коли так. Тогда вам сию историю тоже знать надобно. Ведь и впрямь Неонила, кою Лизонька теткою считала…

– Она умерла, – перебила Лиза, снова ощущая жгучую влагу в глазах. – Умерла!

Татьяна, зажмурясь, тяжело качнула головой.

– А дочка ее где же?

– Дочка?! – Лизу будто ошпарило. – Нету у нее никакой дочки!

– Есть, – скорбно улыбнулась Татьяна. – Жили ведь у Неонилы две девочки. Одна – князя Измайлова родная дочь. Другая – ее, Неонилы, и доброго молодца, удалого удальца… царствие ему небесное! Да и ей, упокойнице. А ты ее сестрицею двоюродною полагала, Неонилину дочь. Где ж она теперь?

– Не знаю. Она вышла замуж и уехала, убежала из дому. Она ведь ничего не знала, и я тоже…

– Вот теперь самое время и узнать. – Татьяна вздохнула, словно набираясь сил вести долгий и нелегкий рассказ.

* * *

Матерью Неонилы была честная дочь купеческая, родом из Арзамаса. Аграфеной звали ее, Грушенькой. Стал как-то раз табор под городом, и сманил девку из дому красавец-цыган.

Пришлась по сердцу Грушеньке кочевая жизнь, по сердцу пришлась вольная любовь. Одно неладно: у Тодора уже была в таборе жена, и сын был. Совсем младенчик! Вайдой звали

его, и Ружа, его мать (это имя значит «роза»; и верно, была она как роза прекрасна и, будто колючки, зла), крепко любила Тодора. Начала она опаивать Тодора злыми зельями, чтобы отвести его сердце от Грушеньки, да и сгубила до смерти, а потом в этом Грушеньку обвинила. А та была уже брюхатая…

Кто в таборе этому наговору поверил, кто нет, но когда настало время Грушеньке родить, никто на нее и не глядел, никто и не думал боль ей облегчить! Никто, кроме Марьяны, молоденькой цыганки. Когда стемнело, она запрягла в телегу коня, уложила Грушеньку на попону и погнала свою повозку к Арзамасу.

Разразилась гроза, и в пути у Грушеньки начались роды. Марьяна впервые в жизни неумелыми руками принимала ребенка – девочку.

Наутро они вновь тронулись в путь и к полудню достигли Арзамаса. Грушенькин отец встретил всех троих со слезами счастья, однако тот же день Грушенька преставилась, так и не придя в сознание. Осталась старику одна утеха – внучка.

Шли годы. Неонила подросла, сделалась настоящей красавицей. Нрав у нее был непростой. Задурила девке голову ее крестная мать, дальняя родственница, княгиня Измайлова, которая иногда наезжала в Арзамас и при каждой встрече сулила, что, лишь подрастет девочка, будет взята в измайловское поместье горничной за красоту и угожество. Госпожа приказала деду Неонилы найти ей учителей, ибо ей желательно было иметь не столько горничную, сколько хорошенькую и образованную компаньонку.

Однажды близ Арзамаса снова появился табор. Вайда открыл Неониле, что он ее сводный брат, однако она и слышать об этом не хотела, и верить в это не верила.

Вскоре дед Неонилы умер. Княгиня сдержала свое слово и увезла Неонилу в подмосковную усадьбу Измайловых. Там всем заправлял молодой господин Михаил Иванович. Был он красоты необыкновенной – ястребиной, дерзкой – и, как ястреб на добычу, бросился на молоденькую горничную. Да она не больно-то и противилась, ибо любовь к молодому князю с первого взгляда поразила ее в самое сердце – как поразила некогда Грушеньку любовь к Тодору, как всегда поражает любовь! Но… милость барина – что роса утренняя: солнце взойдет, и нет ее! Очень скоро Неонила с ее ненасытной страстью и навязчивостью наскучила Михаилу Ивановичу, и ласки господина обратились на другую горничную, Пелагею, белую, румяную и спокойную, словно раннее летнее утро.

Последствия их связи, однако, вскоре сделались очевидны, и это положило предел долготерпению княгини-матери. Последовал скандал, после чего Палашку разжаловали в скотницы, а старая княгиня написала своему троюродному брату, графу Стрешневу, письмо, в котором просила руки его дочери Марии для своего непутевого сына.

Лишь перед самым венчанием жених с невестою впервые увидели друг друга. Увидели, и князь Михаил понял, что наконец-то нашел ту, которую так долго и неразборчиво искал.

Неонилу определили в горничные к Марии Павловне. И у ней не было оснований жаловаться на свое положение, ибо добрее и милее молодой княгини вряд ли могло бы сыскаться в свете существо. Неонила спрятала в карман свой норов, давно уже поняв, что князь Михаил Иванович не из тех, кто на старые тропки ворочается, и, пытаясь вернуть его расположение, она рискует лишиться всего, что имеет.

Князь мало вреда видел в том, что прежняя любовница прислуживает его жене, он ведь привык к безусловной покорности былых своих фавориток: так, Пелагея за честь почла родить сына от своего господина, пусть и пришлось ходить отныне в скотницах… Однако он мало знал Неонилу! Коварства и терпения ей было не занимать, а чтобы полностью отвести от себя могущие возникнуть подозрения, она решилась вот на что.

У Марии Павловны был брат, граф Василий Стрешнев, авантюрист, забияка. Приехав навестить сестру, вышедшую замуж, Василий Стрешнев тотчас обратил внимание на огневзорую горничную с тонким лицом и живым, страстным нравом. Неонила тоже казалась влюб-

ленною. Едва не сделался новый скандал, ибо граф Василий, увлекшись не в шутку, начал поговаривать о браке; однако спустя некоторое время, напоровшись в лесу на медведя, граф был им смертельно ранен и вскоре скончался, заклиная сестру и зятя не оставить Неонилу, которая к тому времени была беременна. Родилась у нее дочь, которую она назвала Елизаветою – в честь старой княгини, своей крестной матери и благодетельницы.

Безутешную Неонилу сосватали за камердинера князя Михаила, Василия Елагина, человека смекалистого и до чрезвычайности покладистого во всем, что касалось приумножения его благ. Несмотря на внебрачное дитя, он был с Неонилою добр и почтителен, ценя ее красоту, ум, а того пуще – приданое, кое она принесла, и, конечно, вольную, ибо Василий был крепостным. Получив свободу, он решился оставить князя (а тот и сам мечтал поскорей спровадить Неонилу и приплод со двора) и уехать в Тулу, Рязань ли, Орел, где мог завести свое дело.

Неонила оправлялась после родов, но, чуть окрепнув, должна была выехать вслед за мужем, который отбыл вперед. Тем временем разрешилась от бремени и молодая княгиня Мария Павловна. Она тоже родила дочь, которую тоже назвали Елизаветою и тоже в честь матери князя.

В имении воцарились счастье и покой. Да ненадолго!

Беда пришла в тот день, когда пастухи схватили в ночном молодого цыгана, пытавшегося угнать чуть ли не полтабуна. Его скрутили и, избитого, окровавленного, потащили на расправу к князю.

Тот взъярился. Больше жены и дочери он любил только коней! Цыгану всыпали плетей и бросили в яму глубиной саженей в пять. Князь велел ни пищи, ни питья ворогу не давать. В своем поместье был он царь и бог, а цыган за людей не считал. Он предвкушал, что косточки конокрада сгниют очень скоро. Яму даже не охраняли: оттуда все равно не выбраться. Однако какова же была ярость Михайлы Ивановича, когда на другое же утро проклятый цыган исчез из тюрьмы!

– Цыган, слышь-ка, с чертом знается, – говаривали дворовые, – черт его и унес!

Но черт здесь ни при чем был. Бегство цыгана устроила Неонила. Ведь тем цыганом оказался не кто иной, как ее сводный брат Вайда!

Может быть, взыграли в Неониле родственные чувства. А скорее, она уже обдумала свой страшный замысел и смекнула, что Вайда может быть ей очень полезен… Принеся шест и помогая ему выбраться из ямы, она взяла с него клятву затаиться поблизости и в урочный час прийти на укромную поляну для встречи с нею, с Неонилою.

Князю в ту пору пришла нужда отлучиться в Санкт-Петербург по неотложным делам.

Поцеловав руки обеим княгиням, отъехала и Неонила – до первой почтовой станции, откуда собиралась проследовать в Тулу. Однако измайловский кучер Тришенька смолчал о том, что бывшая горничная с младенцем, узлами да баулами до станции не доехала, а по пути пересела на простую крестьянскую телегу, которая ожидала ее под Филями. Тришеньке до господских забот дела мало было, к тому ж получил он от Неонилы сверхщедрую мзду за молчание и прикатил домой не раньше, чем всю ее оставил в ближнем придорожном кабаке, а заодно оставил там же и память о Неониле.

Телега же, в которую та перебралась, принадлежала Татьяне, молодой жене Вайды. Пара эта давно отбилась от своего табора и вела жизнь скитальческую. Сходя с ума от беспокойства, встретила Татьяна пропавшего мужа, вернувшегося избитым и измученным, а узнав, что спасла его Неонила, поклялась жизнь положить, но отблагодарить ее. От матери своей, Марьяны, горячо любившей безответную Грушеньку, унаследовала Татьяна преданность ее жестокосердной дочери… на свою беду!

Неонила была хитра. Зная неистовый нрав своих родичей-цыган, их жажду отплатить Измайлову, она представила и себя невинною жертвою жестокого и развратного князя, который якобы сперва преследовал ее своими домогательствами, а когда Неонила их отвергла, терзал

местью, сделавшейся и вовсе изощренною, после того как на молодую горничную обратил свое благосклонное внимание добрый и ласковый граф Стрешнев. Замужество свое Неонила также приписала мстительности князя: Елагин в ее изображении получился сущим чудищем, во всем подобным бывшему своему господину и его супруге, молодой княгине, которая от ревности уготовляла для Неонилы самую страшную пытку: мечтала отнять у нее дочь и сделать ее своей крепостной.

Все это нагромождение лжи пылкие и простодушные Вайда с Татьяною приняли за истину. И вполне естественным показалось им желание Неонилы отплатить Измайловым тою же монетою: похитить у них обожаемую дочь. Правда, Неонила уверяла, что непременно вернет родителям девочку, но лишь спустя некоторое время, когда страдание их достигнет предела.

Разработанный Неонилою план заключался в следующем. Татьяна, переодетая в платье Неонилы и набеленная, чтобы скрыть природную смуглоту лица, с настоящим младенцем, свертком, долженствующим изображать второго младенца, и с пожитками доезжает до постоялого двора и там ожидает, заплатив за прогон лошадей, готовых по первому ее слову отправиться в Москву. Неонила сказала родне, будто не желает возвращаться к мужу, который ждал ее в Туле. Это тоже была ложь, ибо Елагин с первого часа во всем слепо повиновался своей быстроумной жене, и в Туле его никогда и не было. Сама же Неонила, переодевшись нищенкою-странницею, намеревалась направиться в Измайлово, которое знала как свои пять пальцев, и ночью похитить девочку. Свершив сие, она должна была воротиться к ожидавшему ее Вайде и с ним приехать на постоялый двор, где и обменяться с Татьяною одеждою и спешно отбыть «в Москву» с двумя детьми.

План сей показался Вайде и Татьяне излишне хитроумным и сложным, однако перечить они не стали… себе на погибель, как выяснилось после, ибо в том хитроумии крылась дьявольская простота ледяной души, не знающей любви и жалости.

Проникнуть ночью в имение, а после и на барский двор бывшей горничной не составило труда. Собаки знали ее и даже не взбрехнули. Под рубищем нищенки у Неонилы был запрятан Татьянин цветастый платок, который она и обронила «невзначай» под окошком опочивальни маленькой княжны, которую ловко и бесшумно, словно в эту ночь дьявол пособничал ей, выкрала из-под носа крепко спящей няньки. Пред тем столь же незаметно Неонила вывела из конюшни любимую князеву кобылку Стрелу, завернув ей тряпками копыта, чтобы не шуметь. Выйдя за околицу, Неонила вскочила верхом и, минуя лесок, где должен был ее ожидать Вайда, пустила лошадь к постоялому двору, где была еще до исхода ночи (Стрела вполне оправдывала свое имя!), по пути остановившись лишь единожды: на берегу реки, бросив там пеленку, похищенную вместе с девочкою.

Проникнув тихонько на постоялый двор, Неонила объявила Татьяне, что была принуждена изменить план и теперь цыганке надлежит вернуться на этой превосходной кобыле, которую и дарит ей Неонила, туда, где ждет Вайда.

Татьяна пожелала перед разлукою взглянуть на похищенного ребенка и, распеленав, увидела прехорошенькую светловолосую девочку, которая крепко спала, зажав в кулачке шелковый шнурок с навязанным на него перстеньком-печаткою – простеньким, серебряным. Должно быть, играла, да так с ним и заснула. Мысленно пожалев невинное дитя, принужденное платить за родительские прегрешения, Татьяна все же не осмелилась противиться воле той, кого привыкла почитать как старшую сестру, и покорно уехала.

Неонила же, чуть рассвело, велела закладывать лошадей и везти себя в Москву. Однако каково же было изумление хозяина, когда к вечеру его ямщик уже воротился, сообщив, что женщине этой сделалось в дороге дурно и она сошла на первой почтовой станции, не востребовав обратно своих денег. Хозяин мысленно пожелал щедрой постоялице доброго здоровья и забыл о ней.

Тем временем нянька в Измайлове хватилась пропавшей девочки, а на конюшне хватились Стрелы. В саду нашли цветастый платок; и первая догадка, естественно, была та, на которую и рассчитывала Неонила: «Цыгане!»

Снарядили погоню и в ближнем лесу наткнулись на Вайду, который в своей повозке беспокойно ожидал Неонилу. Он уже чуял недоброе, но ведь обещал сестре ждать… Только повязали цыгана, в котором дворовые тотчас признали конокрада, загадочно ушедшего из ямы, как на полном скаку из лесу показалась Стрела с Татьяною верхом. Повязали и цыганку, как ни кричала она о своей и Вайды невинности. А спустя малое время нашли на берегу пеленку похищенной девочки… И облава, ошеломленная злодеянием, на свершение коего указывали, казалось, все следы, в унынии воротилась в Измайлово.

Ее встретили не только обе княгини, но и сам Михайла Иванович, коего воротили с полдороги дурные предчувствия и неодолимое беспокойство.

Осознав ужасающую весть, старая княгиня схватилась за сердце, упала и скончалась тут же, на крыльце, где ожидала возвращения облавы. Князь со шпагой бросился на Вайду, выткнув ему глаз, а потом, приказав бить душегубца плетьми до смерти, полоснул крестнакрест тою же шпагою по лицу Татьяны, навек обезобразив его, и свалился замертво. С ним сделался удар, навек превративший сильного молодого человека в наполовину инвалида, ибо, даже и выздоровев, не мог князь владеть левою рукою, а левую ногу с тех пор приволакивал.

Среди всеобщего отчаяния лишь молодая княгиня Мария Павловна выказала завидную силу духа. Она прекратила зверское избиение Вайды и приказала увезти беспамятных цыган подальше от имения, ибо хотя надрывалась ее душа от горя, но сердцем чуяла она невиновность этих людей и горько жалела их, как и себя, приняв, однако, смерть дочери и свекрови и болезнь мужа в качестве кары Господней за какие-то неведомые прегрешения. А по истечении времени, сидя у постели мужа и выслушивая его коснеющим языком сделанные полубредовые жалобы и признания, Мария Павловна сочла происшедшее наказанием за мужнино прошлое распутство, а пуще – за незаботу о собственном сыне. Княжич-то по сю пору произрастал на грязном дворе сыном скотницы. Так что именно волею Марии Павловны был маленький Алеша взят в барские покои и усыновлен, родная мать его возведена в няньки без права признаваться мальчику в истинности их отношений. И хотя до самой смерти горевала Мария Павловна о погибшей дочери, Алешенька оставался единственным в мире существом, чье присутствие могло вызвать улыбку на ее всегда печальном лице.

Осталось сказать лишь о Вайде и Татьяне. Чуть излечась, цыгане направились в Москву… но след Неонилы затерялся, а с нею и след княжеской дочери.

Однако Вайда не отступился. Он решил жизнь положить, но сыскать Неонилу и рассчитаться с нею, ибо картина ее хладнокровного, обдуманного предательства, с расчетом отвести от себя маломальские подозрения, сделалась ему очевидна. Конечно, он мог бы донести на Неонилу Измайловым… Но все же она была его сестрою, и он не мог предать ее так же бессердечно, как это сделала она. Да и ненависть его к князю была столь же велика, сколь и ненависть к Неониле. Поэтому он сам отправился на поиски.

Татьяна не пожелала сопутствовать ему. Внезапное уродство обернулось для нее душевною болезнью. Но и помраченным сознанием своим молодая цыганка понимала: взаимная ненависть – это беспрестанное зло, самое себя возрождающее… Однако Вайду ничто не могло остановить. Он отвез больную жену к ее матери (схоронив мужа, Марьяна покинула табор и поселилась в избушке на берегу Волги, промышляя знахарством и гаданием), а сам всецело предался поискам Неонилы и молодой княжны. Путь его растянулся на годы и наконец завершился там, где он меньше всего ожидал: в домике жены, которая после смерти матери жила одна, продолжая ее ремесло… И как тогда, в Нижнем, после встречи с Неонилою – после той встречи, когда цыган едва жив остался, почти задавленный медведем, – так и теперь Вайда

ощутил в душе не тление старой мести, ставшей уже привычкой, сжившейся с ним, – но опаляющую вспышку ненависти: к Неониле, к старому князю, к этой девушке… а пуще всего – к себе самому за то, что не в силах ни побороть душевной тоски, ни утолить ее хладнокровным убийством.

Глава 9
Мшава

Татьяна умолкла, но Лиза какое-то время сидела недвижно, не поднимая глаз, словно бы это сомнамбулическое путешествие в прошлое еще продолжалось.

– Одного не пойму, – наконец проговорила она пересохшими от волнения губами, – зачем Вайде мое кольцо?

Татьяна ответила, словно продолжала ее же размышления:

– Он ведь отмщением болен, Вайда. Умом тронулся! Может статься, жаждет князю то колечко предъявить: мол, твоя дочь по сю пору жива, одному мне ведомо, где она хоронится, а тебе новые муки доставлю молчанием своим.

– Ну а тебе что до этого, Татьяна? – спросила Лиза, резко вскидывая голову. – Князь тебя навек изуродовал! Что тебе до него, до его печалей, до кольца?

Татьяна тяжело вздохнула.

– До князя, может статься, и нету мне дела. Столько лет минуло, так что ни добра, ни зла я ему не желаю. А вот ты… до тебя, дочечка моя, мне дело есть. Поймешь немного погодя. Тебя еще потреплет, помучает жизнь, попытает еще, пока угадаешь, для чего судьба тебя ко мне забросила, для чего я тебе все рассказала. – Глаза Татьяны вспыхнули. – Узнаешь, как жизнь узоры плетет! Где с первого взгляда разобрать? Тянешь за нитку – вот же она, вот! Ан нет! Не та ниточка, и спроста клубка не распутать!..

Она умолкла, но отзвук ее странно возвысившегося, возбужденного, пророческого голоса все еще дрожал в воздухе.

– Кольцо, о котором ты говорила, – вдруг нерешительно молвил Леонтий, – это оно?

Лиза и Татьяна раз ахнули, глядя на перстенек с печаткой, который держал Леонтий.

– Оно! Где ж вы его сыскали? – в один голос воскликнули они.

– Да оно в каюте с вас упало, когда вас из воды вытащили да в чувство привести пытались, – пояснил Леонтий. – Я его подобрал, в карман положил, думал отдать, да забыл начисто. Простите ради бога! Из-за моей забывчивости вы чуть не погибли. А теперь кольцо надо поскорей Вайде отдать, чтобы отвязался от вас.

– Так, Лиза? – спросила Татьяна.

Девушка молчала, медленно надевая на палец перстенек.

Там, в зимнем лесу, в приваде для волков, она отдала бы кольцо без раздумий. Но сейчас…

– Нет!

– Я и забыл, – невесело усмехнулся Леонтий. – Вам с этим кольцом прямая дорога в Измайлово. К отцу-князю!

К отцу-князю? И к брату Алексею, с которым тайно обвенчана?

Эх, знал бы Леонтий, что говорит!

Хорошо, что не знает, иначе бежал бы от Лизы бегом, как от прокаженной.

– Не отдам кольцо Вайде, потому что князь – старик, хватит с него горя, – пояснила она неловко. – А я в Измайлово не вернусь. Почему знать никого из них не хочу – не спрашивайте. У меня другая дорога! Вы меня, Леонтий Петрович, до Василя проводите, сделайте милость.

– Почту за честь, – кивнул Леонтий, с лица которого сошло угрюмое, тоскливое выражение.

– Умница ты моя, – кивнула Татьяна. – Верно решила. Много испытаний Бог тебе приготовил, но ты все одолеешь и счастье найдешь. А сейчас спешить надобно. В версте, выше по

течению, стружок на Волне стоит[16]. Хозяин – мой должник. Скажите, мол, Черная Татьяна вас послала – он и доставит куда надо, платы не возьмет. А теперь собирайтесь! Мешкать нельзя!

* * *

Собрались в два счета. Пожитками оказались небогаты: у Леонтия – торбочка с тетрадками, у Лизы – узелок с черным Лисонькиным платьицем.

Татьяна дала ей надеть свою рубаху да одну из старых юбок. Вынула из сундука пару лапотков: «Непривычна тебе такая обувка, а все же лучше, чем ничего». Отдельно завернула ломоть хлеба: «Это в дорогу. А толком поешьте сейчас».

Кусок не шел в горло, да и Татьяна, осунувшаяся от тревоги, от близости разлуки, торопила. И вновь Лизе подумалось, что цыганка видит и знает нечто большее, нежели остальные, словно прозревает наперед. От этой мысли так и сжалось сердце, но когда Татьяна в последний раз обняла ее и шепнула опять: «Ничего не бойся. Все одолеешь!» – страх утих. Осталась только печаль расставания.

– По берегу долго, так что идите сквозь лес, наискосок. Держите на старое татарское кладбище. Ты его знаешь, Леонтий Петрович, – напутствовала Татьяна. – Только болотины сторожитесь. Не сбейтесь с пути. Береги девку, Леонтий Петрович!

И, махнув лишь разок на прощанье, цыганка ушла в дом, а путники торопливо углубились в лес.

Сначала шли легко: стежка оказалась чиста. Рассеивая предутренний полумрак, вспыхивали кое-где полянки, сплошь желтые от золотой розги или розовые от иван-чая. Но чем дальше забирали в чащу, тем сильнее ольховый подлесок глушил частокол березок и осин.

Ночной мрак на небе наконец разошелся, и при мутном, белесом свете пасмурного утра видна сделалась полузаросшая поляна впереди, а на ней – толстые, сложенные из нетесаных камней стены ограды высотой в человеческий рост. Дикий хмель вился по кустам татарской жимолости, в изобилии росшей кругом. В разломе ограды видно было некое возвышение, поросшее травою и калиною, и Лизе показалось, что заметила она под деревцем темное отверстие, а значит, там, внизу, что-то вроде погреба.

– Это и есть татарское кладбище, – негромко проговорил Леонтий, чуть обернувшись к Лизе, но не глядя на нее, а настороженно косясь по сторонам. – Старое! Возможно, еще с Мамаева набега!

Лиза недоверчиво на него взглянула, пораженная чуть ли не четырехсотлетнею глубиною этой временной ямы, вдруг разверзшейся пред нею. Но тут шум, донесшийся откуда-то сверху, отвлек ее.

Леонтий, закинув голову, ахнул, хватая Лизу за руку, и они застыли, забыв о бегстве и обо всем на свете.

Прямо над ними, на высоченной березе, почти на ее вершине, прижался к стволу большой бурый медведь. Над ним был на веревке прикреплен к дереву чурбан, и медведь изо всех сил пытался оттолкнуть его подальше. Однако чурбан, качнувшись, возвращался на место, вынуждая медведя отшатываться, чтобы избежать удара. Береза угрожающе покачивалась, но медведь не сдавался, вновь досадливо отпихивал лапою преграду, но чурбан вновь ударял по стволу… Ворча и взревывая, медведь бил да бил лапою, и в злом его упорстве было нечто столь забавное, что Лиза невольно хихикнула. Рядом тихо усмехнулся Леонтий.

– Там борть, ну, дупло лесных пчел, понимаете, Лиза? – прошептал он, давясь смехом. – Бортник этим чурбаном свой мед защитил. Нипочем мишке не пробраться!

[16] Стружок, струг – плоскодонное парусно-гребное судно, в XI–XVIII вв. служившее для перевозки людей и грузов.

Между тем случилось наконец то, чего и следовало ожидать. Особенно сильно откачнув чурбан, медведь сделал попытку проскользнуть вверх, но получил вернувшейся деревяшкой такой удар, что кулем полетел вниз, ломая ветви березы. Он тяжело шмякнулся оземь и какое-то время лежал недвижимо. Лиза вытянула шею, пытаясь разглядеть его, испуганная, что зверь убился насмерть. Однако медведь медленно, кряхтя, сел, похлопал себя передними лапами по мохнатым бокам, словно проверяя, все ли кости целы, и, встав на четвереньки, тихонько потащился в чащу, то жалобно, по-бабьи повизгивая, то принимаясь громко и грубо ворчать.

Лиза с Леонтием так и зашлись смехом, но вдруг Леонтий изо всех сил стиснул руку девушке. Она замолчала и с испугом воззрилась на своего спутника.

Лицо его было бледным и встревоженным, а глаза устремились в чащу, откуда доносился негромкий хрипловатый хохоток.

Лиза на миг крепко зажмурилась. Ее охватил такой ужас, что захотелось спрятаться, скрыться, ну хотя бы не видеть ничего вокруг! Этот издевательский смех… Мало ли кто это мог быть, но она не в силах была думать ни о ком, кроме Вайды.

Повернулась – и слепо пустилась бежать, пока не уткнулась в холодную серую, поросшую сизым мхом стену кладбища.

Леонтий был уже рядом. Он подпрыгнул, уселся верхом на стене, подхватил Лизу под мышки и втянул наверх. Спрыгнул сам, принял ее, и они побежали по росистой траве под калину, к темному отверстию, ведущему куда-то под землю, думая сейчас только об одном: хотя бы на время скрыться, затаиться, оглядеться. И лишь когда, пригнувшись, они поочередно скользнули в яму, до Лизы дошло, что они ищут убежища… в могиле!

Она вцепилась в руку Леонтия, готовая закричать, но когда он чуть слышно шепнул: «Ничего. Тише. Может быть, не заметили?» – нашла в себе силы сдержать не только рвущийся наружу крик, но и запаленное дыхание.

Они постояли, и постепенно глаза привыкали к сумраку. Лиза смогла разглядеть, что стены этого погреба, как и ограда кладбища, сложены из дикого, нетесаного камня, и это не самая могила, а некие своды, под которыми находятся могильные холмы, также выложенные камнем. Было их восемь, и у каждого в головах поставлено на четвероугольном подножии плоское надгробие сажени две вышиной. Вернее сказать, надгробий оставалось только два, а прочие лежали разломанными. Можно было различить, что западная, оборотная сторона тех надгробий, что остались целыми, изузорена цветками или звездочками наподобие решетки, а на другой четко высечена непонятная надпись, тоже более напоминающая причудливый узор.

Воздух здесь, против ожидания, не был зловонен и застоен, так что Лиза постепенно отдышалась и смогла слушать что-то еще, кроме неистовых ударов собственного сердца.

Но кругом царила мертвая тишина.

Она оглянулась на Леонтия. Тот пожал плечами и чуть слышно шепнул:

– Побудь здесь. Я погляжу.

Он расцепил ледяные Лизины пальцы на своем рукаве и, бесшумно поднявшись по ступенькам, выглянул, а потом вышел наружу.

Лиза смотрела ему вслед, когда какое-то движение в углу погреба заставило ее резко повернуться.

Глаза ее вполне привыкли к царившей в подземелье полумгле, и она рассмотрела то, чего не заметила прежде: деревянные помосты, на которые укладывали покойников, не погребая их в землю. Но теперь там лежали лишь черепа, кости и лоскутья желтой, зеленой, полосатой материи. И Лиза вдруг увидела, холодея, как над помостом медленно поднялся желтый череп, за которым тянулись длинные и густые черные волосы. Словно озираясь, череп обвел подземелье черными провалами глаз.

У Лизы остановилось сердце, когда пустые глазницы обратились на нее и череп замер. Она остолбенела, не в силах оторвать взор от черной тьмы в глазницах. С помоста взлетела костлявая рука и потянулась к Лизе, не то указуя на нее перстами, не то маня. Девушка испустила страшный крик и, не чуя под собою ног, вылетела из подземелья.

Она едва не сшибла Леонтия, который попытался ее задержать, и кинулась вперед, к разлому стены, ничего не слыша, кроме вкрадчивого, ехидного смешка, который раздался там, в подземелье, и сейчас летел за нею, будто призрак.

* * *

Бог весть сколько летела без оглядки Лиза, пока не рухнула почти без чувств на сырой мох, вся исцарапанная и облепленная паутиною, потерявшая где-то свой узел. Рядом повалился Леонтий. И девушка наконец-то смогла расслышать его надорванный голос:

– Да тише! Тише! Это люди. Живые люди, не мертвецы. Над нами просто подшутили. Успокойся!

Страх Лизы немного отступил. Она села, обобрала с лица паутину и, проворно переплетая распустившуюся косу, огляделась.

Дневной свет неохотно проникал сквозь сплетенье ветвей. Впереди расстилался кочкарник, поросший мхом и лохматой травой.

На грязно-зеленой трясине то тут, то там темнели округлые полыньи в несколько саженей шириной; мрачный отблеск воды, стоящей всклень, заставил Лизу опять похолодеть.

Итак, словно по наводке лешего, забежали они прямиком на мшаву, моховую болотину, от которой и остерегала их Татьяна. А что теперь?..

Лиза оглянулась. Кочкарник тянулся впереди, сколько хватало глаз, но невдалеке она увидела тропу не тропу, а некое нагромождение горбыльков, уложенных поперек длинных, тонких жердей, тянущееся от кочки к кочке, чтобы можно было относительно безопасно перейти болотину. Сооружение это называемо в народе лавою.

Как же быть теперь? Вернуться в лес, поискать утерянную тропу? Немыслимо же, в самом деле, доверить свою жизнь этим шатким жердочкам, по которым разве что куличок пробежит! А там, в лесу, есть надежда уклониться от погони…

Она поднялась, одернула юбку, потуже стянула тесемки пояска и, не в силах разомкнуть пересохших губ, кивнула в сторону леса, словно спрашивая у Леонтия, идти им туда или нет. Но он лишь растерянно пожал плечами, и это раздосадовало Лизу. Сжав губы, она решительно повернулась спиною к мшаве и шагнула было под лесные своды, как вдруг в глубине леса раздался резкий свист.

Лиза замерла.

Свист повторился. Сильный, раскатистый, пронизанный тою же ехидцею, что и смех, прогнавший Лизу от стен кладбища. И, уже не колеблясь, вновь подхваченная ужасом, она метнулась к лаве.

Леонтий догнал ее только у самого начала переправы и успел первым вскочить на жерди, сделав Лизе знак: осторожнее! Она заткнула полы юбки за пояс, скинула скользкие лапти, сунула их в подол и босиком ступила на сырую доску, всю пропитанную ледяной водой, словно и не тронутой солнцем.

Какое-то время она ничего не видела, кроме темных, разбухших жердин, уходящих в глубину под пружинистыми шагами Леонтия, но тотчас всплывающих, чтобы принять на себя Лизу, а когда осмеливалась взглядывать по сторонам, видела, что мшава все же остается за спиною, отодвигается, уже близится край унылого кочкарника, а впереди манит сочной зеленью цветущая полянка, на которой, бог весть зачем, тоже набросаны жердины лавы.

– Уже скоро! – выкрикнула она в спину Леонтия, переводя дух. – Впереди поляна, смотри!

Леонтий, глядевший только под ноги, весь поглощенный переправою, поднял голову, остановился, вздрогнул; и вдруг сапоги его скользнули, доска под ногами подвернулась, и он плашмя рухнул на спину, сразу во весь рост уйдя под воду. И только рука его осталась видима. Рука, вцепившаяся в тонкую жердь, на которую опиралась лава.

Лиза даже испугаться не успела. Едва Леонтий скрылся из глаз, она мгновенно опустилась на корточки и, сунув руки в воду, ухитрилась схватить его за плечи. Рванула вверх с такою силою, что сама едва не слетела с жерди. Чудом удержав равновесие, все же вытянула голову и плечи Леонтия на поверхность и замерла, чувствуя, что малейшее новое усилие свалит ее в трясину и вместо одной мшава получит две жертвы.

Между тем Леонтий изловчился повернуться и схватиться за жердь второй рукою, после чего Лиза наконец смогла выпрямиться и перевести дух.

– Вылезай! Вылезай! – Она продолжала тянуть его из воды, но Леонтий, с трудом обернув к ней побагровевшее от натуги лицо, с усилием выдавил:

– Не могу… вниз тянет… сапоги…

Он умолк, попытавшись подтянуться повыше, но жердина угрожающе затрещала, и Леонтий счел за благо оставаться недвижим.

Не выпуская его плеч, Лиза приподняла голову.

Падая, Леонтий сбил две жерди, но если бы ей как-то удалось через них перебраться, а потом добежать по лаве до зеленой полянки, там она, наверное, смогла бы найти вагу, чтобы вытянуть Леонтия! Лиза прикинула, удастся ли с места перепрыгнуть пролом в лаве, но Леонтий, уловив ее взгляд, яростно прохрипел:

– Нельзя! Впереди чаруса!.. – и умолк, словно за горло схваченный безысходной, неминучей погибелью.

И Лиза, тихо ахнув, оцепенело уставилась на яркую, приманчивую, зеленую полянку, что раскинулась впереди, меж темных елей, всю поросшую голубыми незабудками и ярко-желтыми купальницами. Мошкара вилась над цветами, над изумрудной зеленью, скрывающей под собою бездонное озеро.

Знакомый свист заставил Лизу содрогнуться. Она оглянулась и увидела, что невдалеке, на крошечном островке суши, под тощей ольхою, стоит, руки в боки, какой-то человек и пристально глядит на утопающих.

Это был не Вайда, Лиза сразу заметила! И на злобного болотника, злого духа сих мест, никак не походил: живой человек! Страх и ощущение обреченности минули, будто и не было их.

– Помоги! Помоги, слышишь?

Он стоял, все так же подбоченясь, чуть склонив набок светло-русую кудрявую голову, щурясь и скалясь улыбкою.

– Чего стал? – уже сердито крикнула Лиза. – Не видишь, погибаем! Спаси нас!

– Слышь-ка! – наконец отозвался незнакомец, не особо надрывая горло, однако голос его легко достиг Лизы: – Это тебя Лизаветою звать?

Ее так и бросило в жар. Ему откуда знать?!

– Что? – делано удивилась она. – Нет. Меня зовут… – Она запнулась. – Дарьей меня зовут!

– А-а… – разочарованно протянул парень, отмахнув со лба русые кудри. – Ну что ж. Бывает, и ошибешься. Прощай тогда, Дарья. Счастливо оставаться! – И он равнодушно повернулся, явно намереваясь уйти.

– Стой! – изо всех сил завопила Лиза. – Стой! Да, это я, я! А тебе зачем?

Парень обернулся, довольно ухмыляясь.

– Чего ж так шутишь? – спросил он с ласковой укоризною. – Ну, уйду, кто тебя из болотины вытянет? Значит, Лизавета? Да? Не слышу?

– Лизавета!

– Ладненько! – кивнул парень. – А колечко… колечко при тебе?

Лиза опять едва с доски не свалилась.

Парень нахально рассмеялся.

– Подыми-ка руку, девица! Я погляжу!

Лиза неохотно вскинула руку.

– Вроде оно… С подковкою?

Лиза молчала.

– Эй, Лизавета! Ты не молчи, поняла? А то так с кольцом и потонешь!

– С подковкою! – отозвалась девушка зло.

– Этих, как их… князей Измайловых колечко?

– Измайловых, – покорно откликнулась Лиза, уже догадываясь, что за этим последует, и оказалась права: парень вкрадчиво спросил:

– Коли вытяну тебя, отдашь колечко?

Лиза растерянно взглянула на обращенное к ней измученное лицо Леонтия. Он только губами шевельнул, но глаза сказали все, и слезы мольбы обожгли Лизу. В самое сердце кольнуло воспоминание о том, как, зовя, моля, она в полубеспамятстве цеплялась за мокрый якорный канат, а Волга, ярясь, тащила ее в глубину, в смерть. И, зажмурясь, чтобы не видеть этих умоляющих глаз, Лиза с трудом выдавила сквозь зубы:

– Отдам…

Парень радостно присвистнул и, проворно сняв с пояса аккуратно сложенную веревку, размахнулся, резко метнул ее вперед. В болотину рядом с Лизою плюхнулась петля. Выхватив ее из воды, девушка проворно обвязала Леонтия под мышками.

– Тяни! Готово!

– Эй! – ошеломленно затряс головой русоволосый. – Ты чего своевольничаешь? Зачем мне этот мужик? Мне ты нужна да колечко! А его тягать я не нанимался!

Она стянула с пальца кольцо и высоко подняла руку.

– Вот оно! Видишь? Не вытащишь этого человека, и кольца тебе не видать! Выброшу его, утоплю. Вот те крест! – Она размашисто перекрестилась. – Сгнию в болоте, но кольца Вайде не отдам!

– Эй, ты там, потише! – проворчал парень. – Не ровен час, выронишь колечко-то. Ты уж лучше надень его на палец, от греха подальше. Вот, вот… Ну, так и быть, вытяну уж заодно и твоего полюбовничка! – И с ехидным смешком он сильно потянул за веревку.

Когда Леонтий перевалился через жердину, Лиза не удержалась-таки на своей доске и тоже ухнула в болото. Наконец Леонтий от кочки к кочке дополз до островка и бессильно простерся на земле, а парень, сняв с него веревку, опять швырнул петлю Лизе.

Хмурясь, злясь на себя за то, что не в силах гордо отвергнуть это унизительное спасение, она спустила петлю до пояса и обреченно махнула рукою: тяни, мол!

Леонтий тоже взялся за веревку, так что они вдвоем с незнакомцем мгновенно перетащили Лизу через болотину и вытащили на островок.

Освободившись от веревки и кое-как отлепив от тела мокрую юбку, Лиза выпрямилась и, скинув перстенек, протянула его на ладони своему спасителю, силясь глядеть на него со всем возможным равнодушием.

Однако он не взял кольца. Стоял, подтягивая ветхие портки, поигрывая широкими плечами, обтянутыми линялой рубахой. Босой, покачиваясь с пятки на носок, он словно приплясывал, вызывая на пляску и Лизу; глаза его, очень светлые, зеленоватые, широко расставлен-

ные, под светлыми, вразлет, бровями, дерзко, улыбчиво обшаривали ее лицо, а пуще – грудь, облепленную мокрою рубахою. Он похлопал себя по бедру, и Лиза, скользнув взглядом вниз, увидала, как вздыбились внизу живота его тесноватые портки.

Торопливо отвела глаза.

Твердые губы его чуть улыбнулись, и Лиза, вне себя от гнева и от того, что краснеет под этим наглым взглядом, грубо прикрикнула на него, приподняв плечи, чтоб не так выпирала грудь:

– Чего уставился? Кольцо тебе надо, так бери! И убирайся отсюда!

– Что? Ах да, колечко! – словно бы нехотя спохватился парень. – Ну, давай, коли так просишь. – Он сгреб кольцо, чуть царапнув Лизину ладонь, и усмехнулся: – Ежели еще не раздумали из болота выходить, за мной держите, след в след.

И, повернувшись, пошел по воде, аки посуху, не оборачиваясь. Лиза и Леонтий торопливо зашлепали за ним.

По-прежнему вокруг расстилалась предательская мшава, темно поблескивали провалы воды. Однако этот нахальный незнакомец, похоже, видел болотину насквозь, находя некую только ему ведомую тропу, и шел так уверенно да споро, что Лиза и Леонтий не успели вновь утомиться, когда уже вышли на сухое.

Здесь незнакомец обернулся к ним и равнодушно спросил:

– К цыганке вернетесь?

– Не твое дело! – огрызнулась Лиза. – Ты что за спрос?

– А то, – миролюбиво отозвался парень, – что, ежели к ней, вам туда, – он махнул влево. – А ежели к Волге… где стружок дожидается, – он засмеялся знакомым ехидным смешком, – то во-он туда! – указал вперед. – Рукой подать! А теперь прощайте. Недосуг мне более с вами лясы точить. Будьте здоровы! – И снова прилип горячим взором к лицу и груди Лизы. – Слышь, девка… Лизавета! Всякое бывает, глядишь, когда и встретимся. Меня Вольной зовут. Запомни, Лизонька! Может, еще на что сгожусь! – И, хохотнув, скрылся в чаще. Будто растаял.

– Воистину леший[17], – зло пробурчала Лиза и принялась выжимать на себе насквозь мокрую юбку.

[17] Вольной – одно из русских народных прозвищ лешего.

Глава 10
Вольной

Волга и впрямь оказалась рядом. Открылась за деревьями: пологий зеленый берег, узкая полоска темного, сырого песка, серо-голубые волны под серо-голубым небом. Мягкие тени облаков скользят по волнам, словно проплывают стаи призрачных птиц…

Увидев крошечную заводь, отгороженную ивняком, Лиза побежала туда, бросив через плечо Леонтию, чтобы ждал. Он покорно отвернулся, раскладывая на траве слипшиеся листки своих тетрадок.

Лиза разделась, выполоскала рубаху и юбку, потом развесила их на низко нависших ивовых ветвях и принялась мыться. Казалось, она вся, до последней косточки, пропиталась застоялым зловонием мшавы и потому долго, долго терла ладонями тело, полоскала, перебирала волосы, пока в них не проник живительный запах речной свежести.

Леонтий поджидал ее тоже в отмытой, еще сырой одежде, босой, перекинув через правое плечо промокшие сапоги, связанные за ушки, а через левое – свою заветную торбочку.

– Пошли? – не то спросила, не то велела Лиза, кивком указывая на косогор, за которым должен был находиться струг.

Леонтий смотрел на нее нерешительно, но Лиза повернулась и пошла по берегу, предоставив Леонтию право не решать самому, а лишь следовать за нею.

Лиза петляла, выискивая тропку поутопчивее, пока не поняла, неловко ей оттого, что она чувствует пристальный взгляд Леонтия. Ее чуть ли не припекало в пояснице, куда упирался этот взгляд, и она незаметно для себя ускоряла шаг. Леонтий, наверное, не поспевал за нею, однако взгляд его не отставал.

Лиза насупилась. Прежде, помнится, он на такое не отваживался. Скользил испуганно-восторженным взором по лицу и тут же опускал глаза. Что же случилось, почему он так уставился? Чего доброго, ухитрился увидать ее во время купания?

И внезапно вспомнила: Татьяна как-то сказала со смехом, что Леонтий привез к ней Лизу одетой в его исподнее. Тогда Лиза по наивности пропустила ее слова мимо ушей и только теперь вдруг задумалась. Почему не в платье? Это значит что же? Он ее раздевал? Он ее… видел? Или что? Что он делал с нею на расшиве?

Она вспыхнула, и тут за спиной раздался встревоженный голос Леонтия:

– Сдается, мы уже пришли.

Стружок, что покачивался на волнах невдалеке от берега, открылся взору внезапно. На кромке песка и травы горел костерок, вокруг которого полусидели-полулежали трое мужиков. Обличье они имели сумрачное и на Лизу с Леонтием воззрились без особой приветливости.

Лиза тряхнула головой и неожиданно для себя самой задорно крикнула:

– Мир вам, старинушки!

– Мир и вам, попутнички! – отозвался самый старший из троих, полуседой, бровастый и пузатый, и принялся с новым усердием помешивать в котле; остальные вновь прилегли на травку, на их лица опять взошло выражение спокойное и ленивое, а Лиза поняла, что надетая ею личина задорной деревенской девахи самая здесь подходящая.

– Черная Татьяна вам кланяется, – добавила она, подходя к костру и косясь на котелок – ей вдруг невмоготу захотелось есть.

Толстяк вынул из котла ложку, подул на нее, облизал и кивнул довольно:

– Хорош-ша, ох, хороша! А вы небось оголодали, пока шли? Милости прошу к нашему шалашу. Первухой меня зовите. Ежели вы от Татьяны – стало быть, гости дорогие для нас. Похлебайте-ка ушицы, ну-ка?

Он мигнул сотоварищам. Те вынули из-за пазух ложки и протянули Лизе и Леонтию.

Лиза и Леонтий осторожно хлебали огненную юшку, стыдясь своего аппетита.

– Сукрой[18] был у нас преизрядный, – пояснила Лиза, – да и его, и пожитки наши мы во мшаве оставили.

– Во мшаве? – с явным ужасом повторили хором мужики, а Первуха даже головой закрутил:

– Какая нелегкая вас туда занесла?

Лиза только плечами пожала, а Леонтий наконец впервые подал голос:

– Путь укоротить думали, вот и сбились. Уже затопли было, и когда б не вытянул нас оттуда прохожий человек, сгибли бы, лаву переходя, сгибли бесследно!

– Дай ему бог здоровья! – перекрестился Первуха. – И что за человек то был?

– Да так, помело придорожное! – пренебрежительно отозвался Леонтий. – Рожа у него разбойничья, глаза такие светлые, наглые. Вольной прозванье его.

– Во-ольно-ой? – протянул Первуха и аж зажмурился: – Господи ты мой боже! Вольной объявился! Может, даст бог, и разминемся. Свистни-ка, Говоруха, сзывай народишко.

Мужик, названный Говорухой, сунул два пальца в рот и издал свист, столь заливистый и пронзительный, что над бортом стружка поднялись две всклокоченные головы, одна из которых хрипло прокричала – звук далеко шел по тихой реке:

– Чего ты свищешь, Соловей-разбойник, Одихмантьев сын? Ужо я тебе свистелку-то позатыкаю!

– Молчи, дурак! – сурово покосился на него Первуха. – Живо гони сюда дощаник! Да не зевай, как бы в твое зевало пуля не попала!

Корабельщик без спора кинулся к другому борту, и тотчас из-за струга вырулил ведомый им небольшой дощаник.

Тем временем Говоруха, по велению Первухи, издал еще три столько же разрывающих уши свиста: один короткий, а два длинных, грозных. Потом мужики раскидали костер, затоптали уголья и кинулись к приставшему дощанику, осторожно неся закопченный котел с ухою. Лиза и Леонтий растерянно созерцали эту суету, но Первуха, оборотясь, властно махнул им:

– Не мешкайте! От Вольного и нам, и вам лучше быть подалее. Как бы он в другой раз не только кольцо твое, девка, но и всю руку не оттяпал, не сказать похуже. Охальник, каких мало. Ходу, ходу отсюда!

Едва поднялись на борт струга, как из-за леса высыпала пятерка раскосмаченных мужиков, бегущих столь проворно, словно за ними валил из-за кустов страшный медведище. Они без шума, без крика бросились в воду, не дожидаясь дощаника, и устремились к стружку.

Чуть дождавшись, когда последний из мужиков поднялся, а веревку от дощаника закрепили у края борта, Первуха, бывший, очевидно, над всею командою капитаном и начальником, велел поднимать якорь. И струг споро двинулся по течению.

Суета на борту царила страшнейшая. Мужики окружили Первуху, стоящего у руля, и то кричали все разом, то принимались перешептываться, опасливо косясь на Лизу и Леонтия, замерших в сторонке. Однако обрывки разговоров до них все же доносились; и очень скоро оба поняли, с кем свела их судьба.

Артель сия являлась поставщиком тайного, запретного товара понизовской вольнице и лесным разбойникам. Под видом небогатого купеческого судна подходили к заранее условленным местам, где сгружали содержимое бочонков и тюков, но отнюдь не соль, табак или ткани, а оружие да ружейный припас.

Однако на сей раз Первуха и сотоварищи, недовольные оскорбительно малою платою, полученной в прошлый раз, вместо пороху в два бочонка насыпали проса, надеясь таким обра-

[18] Каравай хлеба.

зом показать ватаге разбойничков, что тоже не лыком шиты. Однако на беду воротился из отлучки один из ватажников – по прозвищу Вольной, который считался ежели не головою, то уж точно сердцем ватаги. В его присутствии пойти на обман было подобно самоубийству. Без него разбойнички вполне миролюбиво встретили бы шутку корабельщиков, зная, что у самих рыльце в пушку. Но злая сила, которую источал Вольной, отравляла все вокруг, заражая людей тем же самым духом лютовства и разрушения, коим сам Вольной был обуреваем, словно неизлечимою болезнью.

Корабельщики надеялись, что успеют поднять якорь прежде, нежели дошлый Вольной во всем разберется и взорвется пошумливее и опаснее всякого пороха.

Якорь подняли. Ветер дул слабый, но попутный; поставили небольшой косой парус и заскользили к Василю.

Лиза скорчилась у борта, силясь укрыться от ветра. Леонтий сел рядом, и в его глазах Лиза прочла неприкрытое беспокойство. «Он обещался защищать меня, – вдруг мелькнула мысль. – Но сумеет ли? Храбр ли? Силен ли он? – После страшного случая во мшаве доверия ее к Леонтию поубавилось. – Жаль, что он не муж мне, тогда бы он должен был защищать меня! А так…»

Тотчас она пожала плечами, удивляясь своему страху! Да и от чего защищать-то, если кольца у нее больше нет, а Вольной остался в лесу?

Она свернулась клубком и пыталась задремать, но сердце билось гулко и тревожно.

Прошло около часу, когда вдруг спокойствие, воцарившееся было среди корабельщиков, нарушил крик Первухи, который ошеломленно, будто не веря глазам, глядел вперед.

Наперерез стругу ринулись от берега три лодки, в каждой из которых было не менее пятерых гребцов, а на носу первой стоял, подбоченясь, парень со светлыми кудрями и наглыми прозрачными глазами…

Лишь позднее Лиза узнала, что река петляла, в то время как тайные лесные тропы шли прямо; поэтому разбойники и догнали и даже обогнали струг. Ну а лодки, судя по всему, были загодя приготовлены.

Лодки окружили струг, подобно тому, как юркие, проворные выжлецы[19] окружают сонного медведя, только что поднятого из берлоги. В обнос судна, точно когти, вцепились багры, брошенные с лодок, а по ним ловко карабкались ватажники, предводительствуемые Вольным.

Корабельщики, завидев наставленные на них пистоли и обнаженные сабли, послушно сгрудились у левого борта, даже и не помышляя о сопротивлении. Первуху двое дюжих разбойников подтащили к Вольному, заворотили корабельщику руки за спину с такою силою, что тот почти опустился на колени.

– Ну что ж это ты, Первуха? – спросил Вольной с ласковой укоризной в голосе. – Чего это ты задумал, а? Или не знаешь, что со мною так-то вот шутить не надобно?.. Знаешь или нет?

Ответ был и так виден на лице Первухи, висевшего на вывернутых руках.

– Зна… знаю.

– На что же ты, глупый, надеялся? Никому никогда ничего я не спускал, неужели тебе спущу? Придется спросить с тебя подорожные.

Голос его был по-прежнему дружелюбен и спокоен. Однако при последних словах сотоварищи Вольного обменялись между собою издевательскими усмешками, а по кучке корабельщиков пробежал испуганный шепоток, который враз стих, когда Вольной, возвысив голос, произнес:

– Да не бойсь, Первуха! Не одному тебе платить. Понемножку с каждого твоего артельщика спрошу. Вот и ладно будет. Так и сочтемся.

После этих слов корабельщики начали креститься.

---

[19] Охотничьи псы.

«Да что с ними? – удивлялась Лиза. – Ну, соберут денег, у кого сколько есть, и откупятся от этого наглеца. В конце концов, пытались они надуть шайку? Пытались. Так что все они тут одним миром мазаны!»

Тем временем струг, ведомый умелою рукою, развернулся поперек течения. Гребцам вновь приказали сесть на весла, и через несколько взмахов струг заскреб днищем по прибрежному песку, надежно усевшись на мель.

Первуха встрепенулся.

– Что ж ты творишь, холера чертова? – с ненавистью выкрикнул он в лицо Вольному. – Зачем? Как мы теперь с места сдвинемся? В своем ли ты уме?

– А ты?.. Ты, Первуха, в своем уме? – тихо, холодно спросил Вольной, и корабельщик вновь сник.

– Давайте всех на берег, – махнул рукою Вольной и первым сбежал по сходням.

Едва Лиза ступила на твердую землю, как рыжий да косматый ватажник поймал ее за руку:

– Гля-ка, ребя! Девка! Да еще какая! Ты чья, девка?

Лиза молчала, глядя на него с ненавистью.

– Отстань от нее, – подошел Леонтий. – Отпусти!

Он говорил просительно, с явной робостью, и рыжий воззрился на него с усмешкою:

– Твоя, что ль?

Леонтий запнулся.

– Значит, ничья? – И рыжий так дернул Лизу к себе, что она невольно уткнулась лицом в его грудь, поросшую густой шерстью и крепко пахнущую потом. – А коли ничья, стало, будешь наша!

– Пусти! – прошипела Лиза, отшатываясь. Но разбойник держал крепко. – Пус-с-сти-и!

– Отпусти-ка ее, Сенька! – послышался рядом знакомый голос. – Это моя девка. Понял?

И Вольной отвернулся, даже не взглянул на Лизу, руку которой Сенька мгновенно, хотя и с видимой неохотою, выпустил.

– Ну что, брат? – спросил Вольной участливо, обернувшись к Первухе, который стоял ни жив ни мертв. – Чем будешь платить? «Кошками» или «веничками»?

Лиза ушам не поверила. Так все свелось к шутке? Отчего же Первуха побелел в прозелень? Почему гробовая тишина воцарилась среди корабельщиков?

– Молчишь? – так же мягко проговорил Вольной. – Ну, молчи. Тогда я, брат, возьму с тебя должок веничками. Березовыми.

Вмиг на берегу разложили костер. Тут же, на опушке, наломали березовых веток, связали их в два веника. С Первухи содрали рубаху, привязали за руки к высокой осине, и два могучих ватажника, то и дело опуская веники в костер, взялись с маху охаживать истошно вопящего корабельщика пучками тлеющих ветвей.

Лиза упала на колени, закрыла глаза – не видеть, не слышать ничего. Но крики Первухи рвались сквозь притиснутые к ушам ладони. Вдруг чьи-то крепкие руки схватили ее за плечи, приподняли, сильно тряхнули, и она оказалась лицом к лицу с Вольным.

– Не кручинься! – сверкнул он улыбкою. – Я его до седьмого пота прошибать не стану. Так, слегка попарю, и все! – И по его знаку истязание тут же прекратилось.

Первуху развязали. Он рухнул мешком, где стоял.

В это время на берегу появилась телега, и пятеро ватажников принялись сгружать в нее все, что можно было унести с судна.

Лиза поглядела на возницу – и не поверила глазам. Казалось, довольно с нее на сегодня ужасов! Но нет, не унимается судьба. Возницей разбойничьим оказался Вайда.

Их взгляды встретились. Лиза невольно вскрикнула, увидев, каким дьявольским огнем зажегся единственный глаз цыгана.

Вольной, услышав ее, резко обернулся, заметил Вайду, спрыгнувшего с телеги и спешившего к Лизе. Мгновенным, неуловимым движением вдруг оказался на его пути.

– Чего это ты схватился, Вайда? – спросил он миролюбиво. – Держи коня, а тут мы и сами управимся.

Вайда будто и не слышал ничего. Глаз его был прикован к Лизиному лицу, и цыган слепо наткнулся на Вольного, словно не замечал прежде, что кто-то стоит на пути.

– Пропусти! Там она! Княжна! – хрипел Вайда.

– Горячка у тебя, цыган, – лениво отозвался Вольной, не двигаясь с места и не пропуская Вайду. – Чего городишь? Это вон корабельщиков девка. Ну, вроде как стряпуха им. Понял?

– Нет! Нет! Я ее узнал! – твердил Вайда.

Ватажники оставили носить груз со струга и приблизились к ним, любопытствуя, что за шум вдруг учинился.

– Она! Она! – не унимался Вайда, словно и впрямь обуреваемый горячкой. Но был не в силах обойти Вольного, который вроде стоял на одном месте, покачивался то в ту, то в другую сторону; и Вайда, куда ни сунься, то и дело натыкался на него.

– Да хоть бы и она! – вдруг быстро, злобно произнес Вольной. – Ты кольцо получил? Ну и чего прилип как банный лист? Отвяжись от девки!

– А! – замер Вайда. – Я понял! Ты ее для себя приглядел? Да, Вольной? Но погоди. Погоди! Я тебе денег дам. Коня! А ее мне отдай. Я ведь не для себя ее прошу, для князя! – И усмешка, в зловещем значении которой невозможно было усомниться, исказила его лицо. – Вот! На деньги! Слышь, Вольной?

Тот вроде слегка пошевельнул рукою, но Вайда, словно подхваченный вихрем, отлетел к своей телеге и упал возле колес.

– Деньги? – Голос Вольного был так мертвенно-спокоен, что Лизу озноб пробрал. Краем глаза отметила, что и у сотоварищей Вольного сделались вдруг испуганные, настороженные лица… Словно смотрели они на лютого зверя, на волка, готового в любой миг наброситься и перервать горло. – Деньги? Да подавись ты ими! Себе оставь! И коня, и все барахло. Все! А ну, ребята! – кивнул он ватажникам. – Проводите-ка его со всем нашим почтением! И припас не забудьте положить. Коли гостёк надоел, пускай прочь ступает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.